

A detailed illustration of a fantastical battle scene. In the foreground, a large, dark, multi-headed dragon-like creature with sharp teeth and horns is shown in profile, facing left. Behind it, a massive, golden, multi-headed dragon or dragon-like creature is breathing fire or a bright light. The background features a landscape with mountains and a bright, hazy sky. The overall style is painterly and dramatic.

16+

Роман Максишко

Портал

Роман Максишко

Портал

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Макшишко Р.

Портал / Р. Максишко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Пространственные скачки и путешествия во времени - это реальность, которая становится доступной человеку, ищущему и размышляющему о законах мироздания. Студент МГУ находит портал в Шамбалу, но всякий раз, возвращаясь оттуда, он обнаруживает, что наш мир меняется до неузнаваемости. При этом он вступает в схватку и со спецслужбами, и с потусторонними существами.

Содержание

Глава 1. Камень	5
Глава 2. Станный мальчик	8
Глава 3. Экспедиция	14
Глава 4. Мир изменился	22
Глава 5. Письмо	25
Глава 6. Снова вместе	34
Глава 7. План	40
Глава 8. Задание	47
Глава 9. Операция началась	53
Глава 10. Конкуренты	61
Глава 11. Подземелье	63
Глава 12. Встреча	67
Глава 13. Наташа	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Роман Максишко

Портал

Глава 1. Камень

А что, если нет никакого будущего? Что, если это просто плод моего воображения? Сколько раз я ловил себя на том, что представляю себе, как оно будет, или могло бы стать – рисую мысленно картинку этого будущего, в деталях вижу события, вижу людей, вижу, во что они одеты, как жестикулируют, как говорят и спорят, и что я им отвечаю... И тогда я спрашиваю себя, как часто в моей жизни все происходило именно так, как я себе это представлял? Да, собственно, никогда! Так в чем же смысл? Кому все это нужно? Зачем я постоянно забиваю голову всякой ненужной ерундой, переживаю, страдаю, испытываю гнев или радость, любуюсь своей крутизной – мол, какой я славный парень: умный, сильный, волевой, справедливый – и разрисовываю в своем воображении каждую мелочь, а на самом деле все всегда случается совсем по-другому...

Вот и сейчас, находясь в каких-то ста пятидесяти метрах от места назначения, я думаю лишь о том, как бы не срезаться. Удастся ли добраться? Смогут ли ребята надежно прикрыть меня?

Большой пыльный камень у входа в старую чудом сохранившуюся часовню – цель моего броска – уже виден. Он вмонтирован в иссеченный пулями парапет и как-то по-особенному выделяется среди обычных булыжников, из которых сложен невысокий вал вокруг палисадника. Вал огибает строение и вместе с узенькой улочкой поворачивает налево к каменистому пляжу, где волны теплого ласкового моря мерно плещутся, шумно перекатывая тонны мелкой гальки под жарким южным солнцем, словно и нет никакой войны.

Все в точности, как и описывал дядя Коля. Громоздкий и неуклюжий, мой камень слегка выпирает наружу и даже немного залезает на тротуар, так что на него можно поставить ногу, как на ступеньку, или присесть. Думаю, нищие в свое время прямо на нем и сидели, выпрашивая подаяния у прохожих курортников. Такое ощущение, что сотни лет назад строители вкатили его, как смогли, а потом бросили эту затею и просто оставили на месте, обложив со всех сторон валунами поменьше. Древнюю поверхность камня украшает едва заметная старинная резьба: узор из замысловатых линий – то ли ветвей, то ли каких-то символов. Кто и когда их вырезал, навсегда останется загадкой. Ясно лишь, что этот почти стершийся от времени рельеф появился на шершавой поверхности глыбы задолго до строительства часовни. Да и важно ли это сейчас? Сейчас необходимо преодолеть эти несколько десятков шагов. Только бы добраться... Только бы добежать...

И вот я уже чувствую, как хорошо знакомая мне сила воображения снова одолевает меня. Призраки вымышленного мира тихо вползают в мой мозг неторопливыми скользкими червями и принимаются как бы невзначай буравить его. Они старательны и неумолимы. Сейчас мое сознание начнет производить кадры, один за другим. Вот я вижу дом, стены которого сильно побиты пулями и осколками мин, стекол давно уже нет, из пустых глазниц оконных проемов валит дым, внутри что-то тихо потрескивает – вероятно, догорают остатки мебели, но опасность не там, а за углом, ближе к лестнице, над которой склонился помятый городской фонарь. Где-то здесь притаился человек в грязной куртке с серо-зелеными пикселями камуфляжных разводов. Он пахнет костром с навязчивым острым оттенком застарелого пота. Руки в изодранных перчатках сжимают автомат, в подствольнике граната. Сейчас он пальнет немного

снизу. Одновременно я перекачусь вправо и ударю короткими в его сторону. Надеюсь, успею, иначе ребятам...

Стоп. Нет, хватит! Хватит! Я замираю, опустившись на колени, и пытаюсь вслушаться в окружающие меня звуки. Расширив ноздри, я подобно голодному волку внюхиваюсь, медленно и размеренно вдыхая горячий воздух с привкусом пыли и порохового дыма. Сейчас самое главное сосредоточиться на настоящем. Остановить фантазии! Только настоящее, только происходящее здесь и сейчас. Важен лишь данный момент...

Вот хрустнула какая-то стекляшка под моим потертым кевларовым наколенником. В полуметре от уха послышалось тихое и короткое жужжание или даже звон. Наверное, это пролетела пуля. Я слышу, как справа и немного сзади шкварчат горящие колеса подбитого бронетранспортера. Запах гари становится уже совсем привычным, но и сквозь него я чувствую смрад нестиранной неделями военной робы. Знойно. Капля пота стекает из-под пыльной каски и неспешно крадется по небритой щеке к подбородку. Вот она начинает двигаться все медленнее и медленнее. Почти остановилась. Время концентрируется. Мысли исчезают. Тишина. И в этой хрустальной тишине я улавливаю невнятное еле заметное движение где-то слева и начинаю ощущать, как жар понемногу усиливается. Капля пота повисла на щеке. Воздух, насыщенный пряным кисло-горьким запахом горящего пороха заполнил легкие. Черные, завораживающиеся в спирали филигранные узоры дыма и разлетающиеся комки грязи с обломками кирпичей, раскаленных камней и огрызками асфальта замерли. Все замерло. Время спрессовалось и остановилось.

Я осторожно встал, выпрямился и попытался пристальнее разглядеть стоп-кадр. Опасность была не под лестницей, как мне казалось, а у груды битых кирпичей в самом начале переулка, уходящего вниз к набережной, шагах в тридцати от часовни. Какой-то долговязый смуглый парень в черной бандане, испещренной белой арабской вязью, швырнул в меня гранату. Это она подняла веер осколков и обдала мою левую щеку сухим жаром взрыва. Я отчетливо разглядел густые клубы дыма, взвихрившиеся над воронкой, вперемежку с гибкими и рельефными языками пламени. Несколько искореженных кусочков металла повисли в воздухе буквально в пятнадцати сантиметрах от моего лица. У меня даже возник соблазн протянуть руку и дотронуться пальцами до их горячих рваных краев. В самом центре огненных протуберанцев вдруг заискрился ослепительно-белый свет.

Странно. Я ведь еще не добрался до точки. Однако времени рассуждать уже не было. Пора. Пространство сгустилось и собралось в яркий шар, а потом вывернулось наизнанку фантастической воронкой и открылось мерцающими вратами в иную реальность. Надо идти. Я сделал несколько шагов навстречу застывшему взрыву и ощутил привычное облегчение. Свет струился отовсюду. Я словно плыл в нем, погруженный в приятную расслабляющую субстанцию...

* * *

– Блин, как он это сделал? – удивился Чиф, глядя на то место, где только что стоял Шаман. – По описанию до портала еще далеко... Или мы ошиблись с координатами?

– Лан, погнались, – ответил его напарник Стас, привычным жестом стряхивая с себя кусочки земли и мелкого мусора, которыми его обильно посыпало в момент взрыва. – Потом разберемся, если нас тут всех не накроют. Выбираться надо.

– Не накроют, – ухмыльнулся бывший морпех Леня с говорящей фамилией Уж, юрко выползая из-под ошестинившейся бахромой арматуры железобетонной плиты, где он устроил себе огневую точку. – Ща Шаман нашаманит, и все будет тип-топ.

Чиф пристально посмотрел на Ужа, как бы взвешивая ситуацию и подбирая нужные слова, но ничего не сказал. Вместо ответа он начал собираться, и все поняли, что пора уходить.

Боевик, пытавшийся взорвать Шамана, в ту же секунду был срезан очередью из соседнего дома. Он упал очень неловко. Его тело согнулось в нелепой позе над кучей битых кирпичей и приняло на себя часть осколков его же собственной гранаты. Стрелял, по всей видимости, Алик, которого все почему-то называли Мирза, а может быть и бывалый казак лет шестидесяти по кличке Лом, любивший в ответ на навязчивые шутки ребят, мол, против Лома нет приема, при каждом удобном случае разглаживать свою жесткую седую бороду и приговаривать: «Эт ничего...» Минут за пять до взрыва они перебрались на другую сторону улицы и заняли позицию у основания полуразрушенного морского вокзала, чтобы пулеметным огнем прикрыть Шамана на последнем этапе рывка.

Как бы то ни было, операция прошла успешно. Все живы. Врата открылись, и Шаман отправился на задание. Дело было сделано, группа могла возвращаться на базу.

Глава 2. Странный мальчик

В отрочестве Дима Кляйн был в меру рослым, но очень тощим и невзрачным ребенком. Его парадоксально долговязая худоба, рельефно проявлявшаяся на теле в виде торчащих ребер и острых крыльев лопаток, карикатурно подчеркивала заграничную фамилию мальчика, словно издевалась над парнишкой. Но, к счастью, немецкого языка – а слово «кляйн» по-немецки означает «мелкий» – во дворе никто не знал, и местные шалопаи и хулиганы, не обнаружив здесь никакой связи, так и не удосужились наградить тщедушного лопоухого подростка столь явно напрашивающимся позорным и унижительным прозвищем.

К тому же Дима был физически слабым и плаксивым пацаном, точнее даже не плаксивым, а каким-то чувствительным и не в меру ранимым, и очень робким, если не сказать трусливым. Он всегда сильно переживал за справедливость, но драк и открытых конфликтов, столь обычных в среде сверстников, старался избегать. Мощь его мускулов была обратно пропорциональна уму и находчивости, поэтому за правду, как ее понимал худосочный юноша, приходилось бороться нетрадиционными способами, включая сообразительность на полную катушку. И вот что примечательно, именно за остроту ума большинство ребят во дворе и даже в соседних дворах очень уважали смекалистого Диму Кляйна, а некоторые всерьез побаивались. И это никого не удивляло. Во-первых, он был совершенно неуязвим в словесных перепалках, а во-вторых, неистощим на выдумки и постоянно изобретал всякие интересные игры, которые длились подолгу – иногда неделями – и никогда никому не наскучивали.

Но была и третья причина, по которой мальчика остерегались и старались не задевать.

Неизвестно как и почему, у него сложились дружеские отношения с самым крепким и задиристым пацаном во всем микрорайоне – Саней Ровенским, который в довесок к своим прекрасным физическим данным еще и изучал приемы каратэ по фотографиям, сделанным его старшим братом с какой-то редкой заграничной книжки. Короче, шутки с Саней были плохи. А потому и к Диме все автоматически относились с почтительным страхом.

Кляйн много читал, смотрел по телику научно-популярные программы, выписывал хорошо иллюстрированную и доходчивую «Технику молодежи», авангардную «Науку и жизнь» и даже экстравагантную «Химию и жизнь», размышлял, ставил опыты, анализировал. В общем, в его арсенале были все средства, доступные в тихие и спокойные семидесятые годы молодому человеку, который не на шутку интересовался научно-техническим прогрессом.

Это он научил друзей плавить свинец в старых консервных банках и отливать из него грузила для донки, разные красивые печатки и забавные статуэтки, а порой и самые настоящие кастеты, столь необходимые для дворовых противостояний. В соответствии с Димиными инструкциями здоровые белобрысые бугаи исполнительно бегали по помойкам в поисках старых автомобильных аккумуляторов, а сам Дима, как великий гуру, сидел у костра, благосклонно принимал очищенные от солей электроды и опускал их в банку. Ему нравилось следить, как массивные клеммы с темно-серыми сеточками пластин оседают в лужице расплавленного металла, а потом наступал волнительный момент, когда мальчик принимался разливать горячую серебристую жидкость по гипсовым формам, которые он предварительно делал сам в полном уединении, сидя вечерами за стареньким родительским секретером.

Если уж Дима за что-то брался, то делал это с полной отдачей, как и подобает настоящему естествоиспытателю или художнику. Он с упоением экспериментировал со сплавами свинца, олова и даже алюминия, а один раз умудрился расплавить серебряную чайную ложку из дореволюционного фамильного сервиза, применяя в качестве катализатора марганцовку. Литейные изделия Кляйна пользовались во дворе огромным спросом. Но на этом фантазия подростка не заканчивалась.

Не мудрствуя лукаво пытливым отроком разработал сложную игру, где одна команда делала тайники, а другая искала шифровки, разгадав которые можно было найти новые подсказки и ключи, и в конце концов обнаружить клад с сокровищами: редкой и диковинной стеклянной призмой от зеркального фотоаппарата «Зенит», набором значков или вождельной коллекцией фантиков от гигантских шоколадных конфет «Гулливер». Толпы детишек самых разных возрастов и калибров, как заведенные, бегали по крышам гаражей, носились по пыльным тропинкам большого пустыря за домом, залезали в самые непроходимые джунгли из лопухов и каких-то неизвестных дворовой науке трав высотой в человеческий рост, рыли ямы в земле и, рискуя получить строгаха от родителей, гоняли по стройке детского сада рядом с соседним домом – и все это ради щемящего чувства радости победы, духа приключений, аромата тайны и привкуса неизведанного, ну и, конечно же, из-за простого и понятного меркантильного стремления стать обладателем богатого клада.

Затем подросток воодушевил местных мальчишек на игру в индейцев, тем более что в то время во всех кинотеатрах их тихого и знойного городка на юге великой Советской империи как раз крутили захватывающие фильмы про краснокожих с бесподобным Гойко Митичем. Справедливости ради надо сказать, что в индейцев ребята играли бы и без Димы Кляйна, но, как мы уже знаем, он много читал, и к тому времени уже успел прочесть все книги Фенимора Купера, которые только можно было раздобыть. Поэтому умный мальчик лучше всех остальных знал быт и особенности жизни североамериканских аборигенов. Ему было ведомо, как сделать настоящий лук, томагавк и даже мокасины. Он разбирался в боевых раскрасках, умел бесшумно ходить не оставляя следов, знал, что такое трубка мира. Без усилий молодой эрудит выучил множество непонятных индейских слов, а также названия племен и имена вождей. И когда Саня Ровенский по праву назначил себя главным вождем всех могикан двора и нарекся Чинганчуком, Дима убедительно и авторитетно поправил его, сказав, что на самом деле надо говорить «Чингачгук», и что в переводе с древнего языка делаваров это означает Великий Змей. И еще он сказал, что вождь – это вообще-то шеф, а если говорить правильно по-английски то – чиф, и что у каждого племени должен быть шаман – личный советник вождя и в натуре очень важная персона, и тут же провозгласил себя шаманом под одобрительный гул всех остальных индейцев и робкие вздохи местных дворовых скво. Так игра закрутилась на совершенно ином историко-культурном уровне, а к нашим друзьям намертво приклеились их новые прозвища. Саню Ровенского с тех пор стали величать Чифом, а за Димой Кляйном закрепилась кличка Шаман.

И таких познавательных развлечений во дворе было много. А потом наступил выдающийся момент, который полностью изменил ход детских игр и направил их и без того изощренные забавы в новое и совершенно неожиданное русло. Как-то раз мама прихватила Диму-Шамана с собой в сберкасу. А там по случаю шел розыгрыш денежно-вещевой лотереи. И вдруг Диму осенило. Он увидел, что лотерейные билеты очень похожи на настоящие деньги. На всех столах и в пластиковых урнах сберкасы лежало множество проигравших билетиков с красивыми рисунками, муаром и даже самыми настоящими водяными знаками. Это был Клондайк – практически неисчерпаемый источник для творческих идей! Дима аккуратно собрал все лотерейки – получилась вполне увесистая пачка – и назвал их долларами, поскольку видел однажды подобные денежные развалы в фильме «Начальник Чукотки». На следующий день весь двор уже напоминал большой рынок. Лотерейки-доллары мгновенно стали общепризнанной дворовой валютой, и все с жаром принялись что-то продавать и покупать. Даже девчонки втянулись в новую игру.

Шаман же быстро сообразил, что любой пацан может легко догадаться, откуда взялись эти пухлые пачки денег, и тогда он стащил у папы острое лезвие, вырезал им из мягкого кохиноровского ластика красивую печать с изображением парусника и, проштамповав ею все свои билетики, объявил, что на рынке имеют хождение только лотерейки с клеймом в виде кораб-

лика. Предварительно он, разумеется, безвозмездно поставил клеймо на все бумажки Чифа, который остался очень доволен нововведением, а с Чифом, естественно, никто из дворовой братьи спорить не посмел.

Очень скоро разношерстные бригады из недорослей и переростков обложили все сберегательные кассы района. Потoki отработанных и ничего не стоящих бумажек денежно-вещевой лотереи, лотереи ДОСААФ и художественной лотереи – это были самые большие, красивые и редкие бумажки максимального дворового достоинства – хлынули к Шаману, который не скупясь ставил свой штампик, легализуя тем самым новые поступления денежной массы. За эту скромную услугу он взимал по две лотерейки из десяти – одну для себя, другую для Чифа. Вскоре двор наводнился деньгами с правильным клеймом. После такой внушительной эмиссии товарно-денежные отношения закрутились с новой силой. Продавалось и покупалось все: пульки «Диаболо» для стрельбы из самых настоящих воздушных в тире, дефицитные импортные фломастеры, жевательные резинки, марки, значки, карманные календарики, фантики, игрушки. На рынок попадали даже дорогие столовые приборы, украденные из родительских буфетов. А один паренек фарцевал старинными монетами, запустив свою шаловливую ручонку в папину коллекцию – особенно всех порадовал увесистый елизаветинский пятак 1758 года, которым при случае можно было и голову проломить. Естественно, за пару хрустящих билетиков художественной лотереи редкая медяшка тут же переключивалась в закрома Шамана.

Потом началось производство. Кое-кто стал изготавливать самострелы и рогатки на продажу, кто-то тюнинговал цветной изолентой хоккейные клюшки, кто-то предлагал рынку футбольные мячи и ракетки для пинг-понга, разрисовывая их новомодными в те времена цветными шариковыми ручками, кто-то мастерил художественные поделки. Начался наемный труд. Процветало ростовщичество. Появились богачи-олигархи и нищелюбы, готовые сами себя продать в рабство, и над всем этим возвышалась правящая верхушка из Чифа, Шамана и еще нескольких особ, приближенных к императору. В игру включились соседние дома.

Через какое-то время дворовые товарно-денежные отношения вместе с новой валютой перебрались и в школу, где учился Шаман. Игра раскрутилась, расширилась и длилась невероятно долго – уже несколько месяцев. Кто знает, во что бы все это превратилось, если бы не бдительность директора школы. Однажды кто-то из ушлых пионеров украл из кабинета географии новенький электрический глобус с подсветкой, который эффектно вращался вокруг своей оси, и выгодно продал его за десять тысяч долларов на школьном рынке. Тут же нарисовалось дело, появились фигуранты и свидетели-стукачи, заложившие виновников происшествия, равно как и основоположника игры. Шаман вместе с несколькими одноклассниками был серьезно наказан и пропесочен по идеологической линии в совете дружины школы. Досталось ему и от родителей. Учебный год, видите ли, заканчивался, нужно было сконцентрироваться на занятиях, экзамены на носу, а он...

В общем, в школе за ним стали присматривать, недвусмысленно опекать и при малейшей провинности вызывать к завучу или даже к директору, который предусмотрительно накатал докладную о странном предприимчивом подростке в районо, и, наверное, так бы и съели Диму Кляйна с потрохами, если бы не его феноменальные успехи в учебе и победы в городских олимпиадах по химии, биологии и математике, прославлявшие школу на весь город и даже далеко за его пределами.

Без Шамана, который постоянно генерировал новые идеи и задавал неожиданные повороты в игре, затея с долларами всем быстро наскучила и, в конце концов, сошла на нет, и все как-то незаметно утряслось.

Надо сказать, что Дима тогда не очень хорошо осознавал природу своих действий. Мальчик не понимал, что научившись хитрить и ловко изворачиваться, он начал с легкостью манипулировать людьми и получал от этого истинное удовольствие, а самое страшное – коварно эксплуатировал Чифа, по сути дела покупая его дружбу за ничего не значащие фантики. Его

нежная и незамутненная душа не разбиралась в таких тонкостях, и потому, не смотря на все его трюки, можно было смело утверждать, что он все же искренне любил своего наивного и сильного друга, уважал его и верил ему без оглядки. Те же чувства испытывал и Чиф. Он неподдельно гордился дружбой с Шаманом, радовался его удачам и сопереживал, когда что-то происходило не так, как задумывалось. Они горой стояли друг за друга и гармонично дополняли один другого, являя собой скорее не деловой альянс, а единый слаженный механизм или даже живой, чуткий и подвижный организм. Поэтому, когда у Шамана начались неприятности, Чиф из солидарности, а вовсе не от страха перед наказанием, решил вместе с товарищем прекратить игру и сжечь все свои несметные богатства. Забава закончилась. Дружба, успешно пройдя испытания на прочность, продолжалась.

Как-то раз поздним вечером ребята сидели у костра, нехотя подбрасывая в огонь пухлые пачки дворовых долларов, аккуратно обвязанные бумажной лентой с изображением парусника, и смотрели на языки пламени.

– Ну, что дальше, Шаман? – спросил Чиф.

Дима пожал плечами и промолчал, ему совершенно не хотелось ни о чем разговаривать. В душе юноши было мутно и пусто. Неприятный осадок, который остался после тяжелых школьных разборок и мучительных разговоров с родителями, мешал смотреть на жизнь с прежней легкостью. Сердце просило новых подвигов, но рассудок говорил – не торопись. Приобретенный опыт не позволял действовать огульно. Теперь, прежде чем браться за очередное дело, нужно будет трижды все обдумать.

Мальчик погрузился в раздумья. Мысли медленно поплыли выспрь, начали причудливо ветвиться, филигранно раскручиваться, и потихоньку наполнили душевный вакуум теплом мечтательного спокойствия. Так прошло несколько минут.

Вспарив над своими проблемами, Шаман неожиданно оживился, новые идеи уже робко пульсировали в его сознании, призывая назад к бурлящим водоворотам бытия, и он с видом заговорщика поинтересовался у друга:

– Чиф, ты знаешь, что такое Шамбала?

– Неа. Впервые слышу, – лениво ответил товарищ. Ему было грустно расставаться с прежней игрой и мозгами шевелить совершенно не хотелось.

– Шамбала – это вещь, – задумчиво проговорил Шаман и замолчал, устремив свой взгляд куда-то вдаль и немного ввысь.

Дело было на пустыре рядом с землянкой, которую друзья сами выкопали в небольшом глиняном холмике вдали от тропинок, где взрослые часто ходили из одного микрорайона в другой. По сути дела это была яма довольно внушительных размеров, вокруг которой ребята соорудили основательный навес из досок, фанеры и старого шифера. Мальчики называли эту конструкцию норой, потому что ее кровля была тщательно прикрыта землей, и трава, укоренившаяся сверху, здорово маскировала всю постройку, превращая ее в настоящий бункер. Это было их секретное место. Мало кто из других детей, живших по соседству, знал о нем.

В норе было просторно. Несколько деревянных ящиков, украденных из ближайшего пункта приема стеклотары, составляли основу мебелировки. На импровизированном столике с фанерной столешницей красовался светильник с тремя полуобгоревшими стеариновыми свечами. Рядом располагалась старая книжная полка, которую Шаман нашел на помойке, и еще один ящик из-под треугольных молочных пакетов, на котором, как на табурете, было очень удобно сидеть, прикрывшись дырявым шерстяным одеялом, неприятно пахнущим мокрой псиной, но в холодное время все же помогавшим согреться.

Здесь велись самые задушевные разговоры, и ребятам очень нравилось, сидя в землянке, мечтать о чем-то или втайне от всех обдумывать разные планы и проекты.

А однажды тут случилось самое настоящее чудо.

Как-то раз теплым солнечным днем в середине весны Шаман оказался в норе один. Он сидел за столом и сочинял шифровку. Дело не клеилось, и парнишка просто сидел и тупо смотрел на замызганный блокнотик со своими записями и тайными символами, напоминавшими знаменитый шифр пляшущих человечков, который описал английский писатель сэр Артур Конан Дойль.

Вдруг он заметил, как на глиняной стенке в основании норы появилось какое-то светлое пятно, по форме и размеру напоминавшее футбольный мяч. Пятно это было ослепительно ярким, но света в норе не прибавляло, а скорее походило на очень плотный и искрящийся снежно-белый туман. Поначалу мальчик подумал, что это шаровая молния, и сильно испугался, но потом понял, что это светится сама стена. Ему стало любопытно. Превозмогая страх, Дима Кляйн по прозвищу Шаман протянул к пятну руку. Он ожидал, что вот-вот дотронется дрожащими от волнения пальцами до холодной глиняной стенки землянки, но рука неожиданно легко прошла сквозь пятно вглубь стены, словно та была жидкой, или ее вообще не было.

Мальчику стало не по себе, и он резко одернул руку. Светлое пятно задрожало и тут же исчезло. Дима еще раз протянул руку, но в том месте, где ладонь только что свободно проникла в стену, она наткнулась на привычные шершавые земляные комья. Шаман сообразил, что впервые в жизни столкнулся с чем-то реально таинственным и непознанным. Это и пугало и вдохновляло одновременно. Озадаченный подросток настолько опешил, что решил никому не рассказывать о случившемся, во всяком случае, до тех пор, пока сам во всем не разберется. Даже Чиф оставался в неведении.

Событие в норе произошло пару недель назад, еще до скандала с лотерейками. За это время Дима Кляйн, возбужденный и подхлестываемый любопытством, успел перелопатить массу доступной ему популярной научно-технической и фантастической литературы, пытаясь найти хоть какое-то объяснение столь экстраординарному явлению. В основном поиски шли безрезультатно, но одна статья все же подавала надежду. Это была заметка в «Науке и жизни», где речь шла о возможности духовной трансмутации человека, под которой понимался некий метафизический процесс, когда преобразовывалась не столько привычная физическая материя, сколько сама личность человека, выходящая таким образом на совершенно иные рубежи развития. В частности, в статье говорилось о некой невидимой мистической стране Шамбале, жители которой якобы обладают сверхъестественными способностями к телепатии, телекинезу, левитации и телепортации. Особенно Диму заинтересовала телепортация – то есть возможность мгновенного перемещения людей и предметов в пространстве и времени, которое осуществляется в местах энергетических сгустков или порталов, имеющих вид ослепительно-белых искрящихся шаров. Далее по тексту публикации все эти загадки и малонаучные предрассудки методично развенчивались авторами заметки, твердо стоящими на платформе исторического материализма, но это уже было неинтересно и совсем не важно. Зерно попало в благодатную почву и дало первый пока еще едва заметный росток.

И вот теперь, на смену игре в доллары, Шаман решил, наконец, поделиться своим открытием с другом, потому и затеял разговор про Шамбалу у костра. Ведь как было бы здорово найти таинственное царство истины и света вместе! И все же полностью раскрывать карты не хотелось, вдруг Саня посчитает его сумасшедшим. Да, здесь надо потихоньку, осторожненько.

Чиф скосил глаза, наблюдая за вдохновенным лицом замолчавшего товарища, и вдруг почувствовал неподдельный интерес. Ему страстно захотелось развить тему:

– Ну, не томи! Давай уже, рассказывай, – приятель придвинулся немного ближе к Шаману и легонько ткнул его локтем в бок.

– Тут в журнале статья была, – сказал Шаман, с трудом подбирая слова, чтобы преждевременно не проговориться о недавнем приключении, пережитом в норе. – Где-то на востоке в горах, то ли в Гималаях, то ли на Тибете, то ли в этом, как его... Ну, короче, есть такое место, где живут великие посвященные. Это они управляют миром. Однажды оттуда спустится

человек, который всех научит жить, а дуракам всяким и неверным покажет, где раки зимуют. Только никто не знает, когда это случится, и где эта Шамбала. Все ищут, ищут, даже Гитлер искал, но найти не могут...

– Да ну... А кому они посвященные? – полюбопытствовал удивленный и восхищенный Чиф.

– Не знаю, – ответил Шаман. – Так называются... Они же великие учителя. Может быть науке посвященные, а может еще чему.

– Клево! – Чиф был явно впечатлен. – И чему они там учат?

– Всему. Как сквозь стены проходить, или как летать. А еще не есть месяцами и не дышать.

– Да ты чё... – не поверил Чиф.

– Зуб даю, – подтвердил Шаман. – Так в статье написано. Я найду эту Шамбалу. Я это точно знаю.

– Я с тобой, – сказал Чиф, не раздумывая. – Мне тоже хочется сквозь стены проходить.

Шаман посмотрел на Чифа с нескрываемым уважением. Иного надо часами убеждать, а этот сразу ловит суть, все понимает с полуслова. Надежный человек!

Глава 3. Экспедиция

После окончания школы жизнь друзей разлучила. Дима Кляйн уехал в столицу и с первой же попытки поступил на геологический факультет МГУ. А Саня Ровенский попробовал сунуться в местный медицинский, но завалился на экзамене по биологии и уже осенью отправился служить в доблестные ВДВ.

Поначалу ребята переписывались, но потом Диму с головой захлестнула волна столичной жизни, и стало как-то не до старых друзей, тем более что, как позже выяснилось, Саню после учебки направили в Афган, а эта тема в снобистских и либеральных студенческих кругах была непопулярна. Там больше любили говорить об экзистенциализме, тенденциях и модных течениях, смотреть авангардные спектакли, слушать замысловатый английский рок, пить сухие вина, а не одну лишь простую водку, томно рассуждать об искусстве и глумиться над социалистическим образом жизни, изящно поругивая и высмеивая кремлевских старцев.

Последнее письмо от Сани пришло где-то в феврале, и больше никаких известий за несколько месяцев! Однако Дима не стал теревить ситуацию, временами на него накатывали приступы какого-то неизъяснимого беспокойства, и тогда он боялся, а вдруг Саню ранили на той далекой войне, или, может быть, даже убили... В такие минуты комок подступал к горлу, и становилось трудно дышать, но юноша уверенно гнал от себя эти холодящие душу мысли. Молодому студенту из глубинки не хотелось, чтобы жуткое известие о далеком друге детства как-то омрачило или нарушило его новую великолепно складывающуюся московскую реальность. Ведь та, былая жизнь вместе со своими радостями и проблемами, как ни крути – в прошлом, а в этой он, увы, не видел места старым детским делам и привязанностям, и даже немного комплексовал из-за своей провинциальности и заметного южного говорка, над которым нередко потешались и незлобиво зубоскалили модные столичные кенты.

И что там Чиф? Да ну его. Неприятно и глупо было думать об этом, да и некогда. Учеба, новые друзья, шумные и веселые пьянки, театры, активная культурная жизнь, перспективы – все это только укрепляло ощущение исключительности, которое у Димы и так было неплохо развито. К тому же приходилось заново доказывать крутой московской тусовке, что он и есть тот самый великий Шаман, интеллектуальный монстр, гроза и идол для почитания всех пацанов тихого райончика небольшого городка где-то на периферии страны Советов, вырвавшийся на столичные орбиты, а вовсе не никчемный, худосочный и лопухий малыш Кляйн. А Чиф... Будет время, будут и новые чифы.

Первый учебный год прошел незаметно в шумных и радостных битвах за самоутверждение в столице. Ум и сообразительность снова не подвели, и Дима хорошо устроился в своей университетской компании, которая отличалась от всех остальных студентов геофака весьма выдающимися запросами и интересами, а геология в ней стояла где-то на 128 месте строго между моральным кодексом строителя коммунизма и любовью народа к партии и правительству.

Потом была весенняя сессия и чудесная практика в Крыму, а после наступили долгожданные каникулы, на которые у Димы имелись большие планы, поскольку благодаря новым друзьям, он с нечеловеческими усилиями умудрился пролезть в какие-то правильные кабинеты и записался разнорабочим в экспедицию на Тибетское нагорье.

Долгое время Тибет был закрыт для научных исследований. Первая серьезная китайско-французская геологическая экспедиция на плато прошла лишь три года назад. Полученные в ходе этих исследований материалы только подогрели любопытство в научных кругах. Поэтому, когда правительство КНР разрешило нашим ученым провести ряд изысканий, срочно была создана экспедиция, состоявшая из нескольких геологических партий. Дима

попал в небольшой геохимический отряд, которому предстояло работать сначала в окрестностях Гонггара, а затем в Ниемо и Ринбунге. Наивная детская мечта о таинственной Шамбале, почти стершаяся из памяти в шумном потоке столичной жизни, снова всплыла из подсознания.

Еще в старших классах, штудировав эту тему, Дима поднял кучу научной, исторической и даже эзотерической литературы, из того, что смог достать в областной библиотеке. Казалось, он уже знал все о мифической стране Белого братства, населенной великими учителями мира, и соглашался с теми исследователями, которые считали, что искать ее надо не где-то в Сирии, как утверждали некоторые, и не в пустыне Гоби, а именно в Тибете среди вершин гималайских хребтов, отделяющих Индию от Китая. Теперь же, собираясь в длительный поход, Дима окончательно понял, что на самом деле он едет на восток не ради престижа и расширения кругозора, не ради экзотики и даже не ради геологии, его тайная миссия – поиски Шамбалы. И тут ему снова вспомнился Саня-Чиф, и от этого стало как-то не по себе.

В самолете Москва-Пекин Дима Кляйн, бывший дворовой Шаман, а ныне студент второго курса геологического факультета МГУ и участник экспедиции на Тибет, погрузился в мечты вперемежку со смутными предчувствиями. Воображение живо рисовало ему сладкие картины научно-исследовательского подвига и, конечно же, последующего триумфа – непременно мирового масштаба. Признание! Нобелевская премия! Цветы в машину, девушки, шампанское... А пока за стеклом иллюминатора – лишь море белых облаков в лучах солнца и мерное гудение авиадвигателей.

Главной задачей и рабочей обязанностью Димы было таскать и грузить рюкзаки белых людей – настоящих участников экспедиции, – а также ящики с оборудованием и какие-то большие брезентовые пакеты с неизвестным околонуточным хламом. Это его не сильно обременяло, хотя из Пекина до Лхасы и дальше по дороге на юго-запад в направлении Катманду до самого места назначения геологи добирались короткими перебежками, нигде не останавливаясь больше, чем на два-три дня, поэтому пришлось попотеть, постоянно разгружая манатки, и снова загружая их в большие и мощные военные машины. А позднее, уже в базовом лагере, предстояло ежедневно ходить в маршруты, рыть примитивной лопатой и кайлом шурфы в твердом каменистом грунте, помогать собирать пробы и паковать образцы. Все эти жертвы на алтарь давней детской мечты Дима принес безропотно.

Временами такая жизнь казалась ему даже прикольной. Однако в целом в экспедиции Шаману не понравилось. Шофер Витя и еще один разнорабочий Толик, с которыми студент делил просторную палатку, представляли собой довольно унылую пролетарскую компанию на грани тупости, пошлости и ранней стадии алкоголизма – в общем, не столичный бомонд. Еще четыре члена отряда из числа великих специалистов геохимиков, а также начальник партии и главный инженер были старыми дрищами в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет. Никакого интереса для Шамана они вообще не представляли, поскольку обсуждали в основном политику и жаловались на жизнь, ругали Брежнева и рассказывали про него глупые, но временами смешные анекдоты. Геология уже не представлялась Диме романтической профессией. Одно дело сидеть в приятной компании в обнимку с девчонками у костра, коптясь помаленьку в его дыму, петь песни под гитару, бухать и лопать шашлык, и совсем другое – жить и работать в условиях минимального комфорта: ночевать в палатке на раскладушке, каждый вечер залезать в холодный и немного влажный спальник, постоянно есть тушенку с макаронами и испражняться в туалете типа сортир на отшибе лагеря. Про горячую ванну с пеной мы уже и не говорим.

Сам Тибет не впечатлил Диму ни культурой, ни традициями, ни современным жизнеустройством. Лхаса с ее изящным, гордым и таинственным Дворцом Потала – еще куда ни шло, было на чем остановить взор, но дальние деревни...

Величественные горы, обступавшие лагерь со всех сторон оказались совершенно неприступными и очень даже далекими. Казалось, вот они, рукой подать, а на самом деле туда и

на лошадях-то непросто было добраться, не то что пешком. Местные жители, несмотря на всю свою благорасположенность и покладистость, категорически отказывались сопровождать молодого исследователя дальше, чем за пять километров от лагеря, да и режим в отряде был достаточно суровым, чтобы можно было надолго куда-нибудь отлучиться. Следов Шамбалы не было нигде и в помине. Даже аборигены не хотели разговаривать на эту тему. Здесь на месте все это начинало казаться полной чушью и бредом детского воображения.

Дима уже стал серьезно подумывать о переводе на другой факультет, поскольку ему стало очевидно: геология, в том виде, в каком он ее ныне постиг, – не для него. Юноша ловил себя на том, что работу свою выполняет механически, а мыслями блуждает где-то далеко-далеко, может быть в параллельных мирах. Поначалу это просто забавляло его, а потом неожиданно стало приносить странное и неопишное удовольствие. Все чаще и чаще студент замыкался в себе и впадал в какое-то медитативное или скорее мечтательное состояние. Ему нравилось слушать треск дров в костре, тупо смотреть на журчащий между камнями ручей, который улыбочивые местные жители почему-то называли рекой, или зависать на несколько минут у какого-нибудь живописного камня, или просто вглядываться в бескрайнюю даль. Временами ему казалось, что когда он погружается в такие состояния, мысли буквально на какие-то секунды покидают его, и он получает несказанное наслаждение от того покоя, который ненадолго поселяется в нем.

Думать Диме ни о чем не хотелось, а особенно не хотелось вспоминать про Шамбалу. Ему уже было ясно, что никакой Шамбалы на самом деле не существует, и это просто красивая древняя легенда, сильно разрекламированная последователями Блаватской и Рериха, подхваченная романтически настроенными учеными всех стран и народов, эзотериками, искателями приключений и проходимцами разных мастей.

Еще в начале путешествия Дима частенько подбадривал себя словами из сказания о беседах с мудрецом Маркандеи, запечатленными в лесной книге Араньякапарве из Махабхараты, которые он выучил наизусть: «Час пробьет, и появится дваждырожденный по имени Калки Вишнуяшас, наделенный великою силой, умом и могуществом. Явится он на свет в достойной брахманской семье в селении Самбхала и силою духа возродит оружие и всевозможные средства передвижения, и воинское облачение, и доспехи, и панцири. Этот царь, побеждающий дхармой, примет верховную власть и внесет покой в мятущийся мир. Сверкающий брахман, высокий помыслами, явившись миру, положит конец разрушению. Так всеобщая гибель станет началом новой юги. Этот дваждырожденный вместе с брахманами уничтожит разбежавшиеся повсюду жалкие шайки млеччхов». Сейчас же, после полутора месяцев импровизированных доморощенных упражнений на отключение сознания, он с трудом вспоминал сложно произносимые имена царей и великих брахманов невидимой страны Шамбалы или Белых братьев, которых еще называют махатмами. Да и кому это было нужно? Ровным счетом никому...

Неподалеку от лагеря возвышалась одинокая скала, словно оторвавшаяся от горной гряды, которая уходила дальше на юг. В ее основании располагалась небольшая и хорошо ухоженная пещера – место очень живописное. В этом гроте побывали все участники экспедиции, да и залетные спиритуальные туристы с просветленными физиономиями и восторженными взглядами все время стремились попасть туда, а проникнув внутрь, подолгу сидели и медитировали. Надо сказать, что в пещере было действительно очень уютно. Аборигены содержали ее в чистоте и сухости. Дно грота было посыпано толстым слоем мягкого золотистого песка, а в центре располагался примитивный очаг, вокруг которого лежало несколько камней, покрытых циновками, чтобы европейцам было удобнее сидеть вокруг огня. Рядом местные жители заботливо соорудили небольшой дровяник для сухих поленьев и хвороста, поскольку хорошие дрова в этих краях были в дефиците, и найти их самостоятельно было нелегко. Вход в пещеру в северо-западном склоне горы, аккуратно обложенный камнями на цементном растворе, скорее напоминал арку, нежели обычную природную дыру. Кладка выглядела вполне современ-

ной. По всей видимости, обитатели соседней деревни специально обустроили это место для экзальтированных гостей, чтобы заработать немного лишних монет, рассказывая небылицы о каких-то там святых аскетах, якобы живших в этом гроте десять тысяч лет назад и искавших просветления.

Главный зал пещеры, площадью примерно в пятьдесят-шестьдесят квадратных метров, имел округлую форму. Закопченные своды были не очень высокими, но местами доходили метров до шести-семи. Ближе к входу на высоте около четырех с половиной метров имелось маленькое окошко треугольной формы, по-видимому естественного происхождения. В глубине грот сильно сужался до расселины шириной в полметра и длиной метра три – своеобразный аппендикс внутрь горы – и все, дальше был тупик. Никакой историко-культурной ценности это место не имело и ни для чего не использовалось, кроме проведения духовных пикников для впечатлительной публики, двигавшейся постоянным потоком из столицы или, наоборот, с юго-запада из Непала через местечко Шигадзе.

Вот в эту-то пещеру и зачастил Дима Кляйн, чтобы по вечерам, когда работа заканчивалась, и вероятность попадания в пещеру какого-нибудь туриста была минимальной, спокойно предаваться своим новым забавам, не нарушая лагерных правил. Всякий раз он приносил туда охапку сухих веток, чтобы пополнять запас дров. Одного часа сидения у костра ему хватало для получения заряда бодрости и оптимизма на весь последующий день, заполненный обычно монотонным трудом землекопа. Все участники экспедиции знали об этой новоприобретенной любви Димы к отрешенности и, уважая его право на медитацию, старались не нарушать его уединения.

Сидя у костра в пещере, Дима, как обычно, воображал себя древним посвященным, который в полном молчании посылает всему миру импульсы развития. Потом он переключился на осознание святости этих древних гор, кристальной чистоты и прохлады воздуха, божественной первозданности. Затем его внимание привлекли языки пламени, и на какое-то время он сконцентрировался на игре бликов и теней. Вскоре Диму накрыло приятное ощущение полноты его существа, словно волшебное тепло ласковой волной распространялось по всему телу, затекая в каждый из членов его организма. Когда тепловой поток достиг кончиков пальцев, он услышал тишину. Это не был привычный навязчивый звон в ушах, какой иногда можно услышать в ночи, когда остальные звуки вдруг исчезают. Это была настоящая пустота и абсолютное безмолвие. Мысли исчезли, наступило умиротворение и блаженство. В этот момент юноше показалось, что время остановилось. Он глянул на костер и с удивлением обнаружил, что языки пламени тоже стоят на месте. Блики на сводах пещеры перестали мерцать, а тени прекратили свой дикий и таинственный первобытный танец. Все замерло. Дым перестал клубиться и подниматься кверху, где он обычно просачивался наружу сквозь треугольное окошко-отдушину. Все это очень удивило молодого человека. Он встал и хотел было убежать, но тут вдруг во второй раз в жизни увидел светящийся белый шар, который появился в самой глубине пещеры. На этот раз шар был существенно больше – около двух метров в диаметре. Дима почувствовал, как таинственный свет магически манит его к себе. Надо идти. Сопrotивляться нет сил.

Дима подошел к искрящемуся шару, немного помедлил, но затем решительно шагнул вперед. В ту же секунду он почувствовал, как окунулся в море света. Ни стен, ни пола, ни потолка – один только равномерный свет, не дающий резких теней, лишь мягкие скользкие полутона. Ощущение было необычное, но умиротворяющее и очень приятное, словно ты паришь в невесомости, окруженный со всех сторон некоей лучезарной субстанцией.

Через какое-то время Диме захотелось продвинуться еще немного вперед, и в тот же миг он вдруг осознал, что мир снова пришел в движение. Белый искрящийся туман начал понемногу рассеиваться, и молодой человек увидел горы, ярко освещенные тем же ослепительно-белым светом, из которого состоял шар в пещере. Сам же он парил где-то в выси, и в его душе возникло ощущение, что это все тот же шар, но разросшийся до величины целого мира

или даже вселенной, и эти горы вокруг и долины, и блестящая поверхность озера, которую он отчетливо наблюдал под собой, находятся внутри сверкающей сферы, и какая-то неведомая сила поместила Диму в самый ее центр. Все небо состояло из сплошного света: ни солнца, ни облаков на нем не наблюдалось, один лишь свет во всю необъятную ширь небосвода.

Сколько длилось это чудесное парение, сказать было трудно. Ощущение оказалось настолько свежим и неожиданным, что Дима не смог привязаться ни к каким привычным и естественным реперам. Часов у него не было. Сумерки, которые в этих краях быстро превращались в сияющие звездные ночи, сменились равномерным ярким светом. Сориентироваться по солнцу и теням также не представлялось возможным ввиду отсутствия небесного светила. Оставалось только расслабиться и ждать, что произойдет дальше.

Легкий дискомфорт от неопределенности по отношению к ходу событий вдруг сменился полным осознанием того, что время остановилось, или, если быть более точным, его попросту нет. И как это он умудряется висеть тут, между небом и землей, тоже не ясно. Хорошо бы ощутить почву под ногами.

Не успел Дима подумать об этом, как тут же оказался на земле. Его ноги по щиколотку погрузились в шелковистую траву и ощутили свежесть и прохладу живой зелени. Ого! Пока он наслаждался этим чувством, еще одна мысль возникла в голове: «Почему здесь не видно никаких признаков жизни?» И тут же небольшой кузнечик прыгнул к нему на ладонь, посидел немного, щекоча кожу лапками, и с легким немного шепелявым звоном улетел. В воздухе пронеслась стайка птиц. Все пространство вокруг наполнилось хорошо знакомыми звуками жужжания, стрекотания и щебетания.

Дима начал догадываться, что в этом странном месте его мысли каким-то непонятным образом тут же материализуются. Забавно. «Присесть бы», – подумал он, проверяя свою догадку, и в тот же миг увидел перед собой замысловатой формы стул из неизвестного темного дерева, покрытый весьма искусной резьбой.

* * *

Ну и дела... Ясно, хулиганить и злоупотреблять желаниями здесь не стоит. Хорошо бы узнать, есть тут кто-нибудь помимо меня. Сложив ладони рупором, я что есть мочи крикнул:

– Эй! Есть здесь кто-нибудь? Ау!

Звучный возглас эхом прокатился в горах, но ответа не последовало.

Я решил осмотреться и увидел узкую тропинку, которая вела куда-то вниз. Недолго думая я тут же помчался рысью под горку и вскоре заметил у самой кромки озера крохотную, словно игрушечную, хижину, утопавшую в зелени. Вдоль берега росли могучие столетние ивы с густыми шарообразными кронами, в сени которых вилась дорожка, огибавшая озеро. А рядом с домом был разбит сад из старых раскидистых яблонь, вишен и слив. Легкий сизый дымок поднимался из трубы и терялся на фоне невыносимо-яркого белого неба. От крыльца к озеру вели аккуратные деревянные ступени и мостки с резными перилами, заканчивающиеся причалом, у которого покачивалась на воде красивая лодка, чем-то напоминавшая по форме норманнский драккар с одной мачтой и скошенной реей с тщательно свернутым белым парусом. Высокий форштевень судна вместо характерной фигуры дракона был увенчан резной головой женщины с распущенными волосами, перетянутыми на лбу золотой лентой. Носовая скульптура обладала длинной изящной шеей и округлой грудью с золотыми сосками, а вместо рук по обоим бортам раскрывались крылья, изготовленные из золотистого металла с витражными вставками из стекол желтых, оранжевых и чайных оттенков. Ахтерштевень был выполнен в виде веера из перьев и напоминал хвост птицы. Его также украшали цветные стекла.

Это идиллическое место было плотно окружено кольцом островерших снежных вершин. Возникало ощущение, что за пределами гор никакой жизни уже нет. Подойдя вплотную к

домику, который оказался на самом деле не таким уж и маленьким, каким представлялся издали, я снова крикнул, но уже не столь громогласно, как в первый раз:

– Здравствуйте. Есть кто живой?

Дом был одноэтажным, но с высокой соломенной крышей. Основу его составлял каркас из мощных бревен, пролеты между которыми были заполнены камнями, покрытыми грубой штукатуркой и тщательно побеленными, из-за чего дом, казалось, светился, так же как и небо. Входная дверь была очень высокой, двустворчатой, с непонятной резьбой в филенках. По бокам от двери висели два красивых фонаря с золотистыми стеклами. Над дверью красовался витраж, изображавший птицу с женским лицом и золотым нимбом над непокрытой головой. Птица эта сжимала в своих когтистых лапах змею, которая свернувшись кольцом вокруг крылатой фигуры, кусала свой собственный хвост, и, кстати, была очень похожа на изваяние носовой части лодки. Мне подумалось, может быть это Сирий, или Гамаюн, или что-то в этом роде.

– Здесь есть кто-нибудь? – я повторил свой вопрос.

В ответ обе створки дверей бесшумно отворились, и я понял, что хозяин таким образом приглашает меня зайти внутрь.

Я вошел в дом и не поверил своим глазам: передо мной открылось огромное пространство с высокой колоннадой по левую и правую руку от центра зала. Скромный сельский дом на берегу озера внутри оказался величественным дворцом с множеством каменных горельефов, расположенных в нишах боковых нефов. Что за фигуры были вырезаны в камне, и какие события они отображали, я не знал, но монументальность постройки сильно впечатляла. Колонны, выполненные из белого мрамора с золотыми основаниями, венчались причудливыми капителями и внушительным архитравом, также украшенным скульптурными формами, на котором покоились своды крыши с изящными и мощными ребрами жесткости, красиво переплетенными в сложные геометрические узоры. Сквозь филигрань ребер шел яркий снежно-белый свет, словно это светилось само небо. Или это потолок был такой? Не могу точно сказать. В глубине центрального нефа возвышался подиум, к которому вели несколько каменных ступеней. Пол в этом большом зале также был каменным. На подиуме стояло массивное деревянное кресло с высокой резной спинкой, отделанной золотом. На кресле восседал человек в белых шелковых одеяниях, напоминающих халат или кимоно. На его груди висел увесистый золотой орден с такой же загадочной райской птицей-девой, как и на витраже. На вид ему было лет тридцать, от силы тридцать пять, но пронизательный взгляд, умиротворенное выражение лица, обрамленного прядями седых до полной белизны волос, и манера держаться говорили о гораздо более солидном возрасте.

Я подошел ближе, почтительно поклонился и, стараясь не обидеть хозяина своей навязчивостью, стал по возможности деликатно разглядывать незнакомца, которого, как мне показалось, уже где-то видел, может быть во сне. Тот едва заметным кивком головы ответил на мое приветствие и тоже внимательно посмотрел на меня. Совсем не заботясь о приличиях, он принялся изучать каждую черточку моего лица, каждую морщинку, но делал это без вызова, а как-то спокойно и тихо. Никакой угрозы от него не исходило, наоборот, чем больше мы смотрели друг на друга, тем, казалось, больше доброты и уверенности он излучал. Я даже начал ощущать какое-то сродство с этим непонятным и странным человеком.

Мне показалось, что благоразумнее будет молчать и дать возможность хозяину дворца первым разомкнуть уста. В итоге мы безмолвствовали довольно долго, и вдруг он неторопливо встал и заговорил приятным густым низким голосом:

– Приветствую тебя, Дмитрий Кляйн по прозвищу Шаман. Добро пожаловать в нашу обитель.

Я опешил и проговорил сдавленным голосом:

– Кто вы? Откуда вы меня знаете?

– Я знаю о тебе все. Я знаю гораздо больше, чем ты сам о себе знаешь, поскольку ты далеко не во всем можешь себе признаться и не ведаешь глубин всех тайных уголков своей души. Ты – это я. Я – это ты.

– Как это? – мне было трудно сдерживать удивление.

– Об этом чуть позже, – снисходительно ответил мой собеседник. – Спроси лучше о том, что тебя волнует больше всего.

– Где я? Что это за место? Это Шамбала? Я нашел ее? – затараторил я, стараясь не упустить момент.

– Это наша с тобой родина и обитель, – проговорил незнакомец, плавно и величественно поведя рукой слева направо. – Ты называешь ее Шамбалой. Пожалуй, да, это Шамбала, хотя люди и сами толком не знают, что ищут под этим именем. Воспринимай ее лучше как зеркало, в котором я всего лишь твое отражение. Все, что делаешь ты, делаю я, и наоборот, все, что делаю я – делаешь ты в своей обычной жизни, однако, должен признаться, в изрядно искаженном виде. Здесь же покровы сняты. Теперь ты видишь все так, как оно есть на самом деле. В своем мире ты часто разговариваешь сам с собой. Здесь же ты можешь поговорить со мной и, скажу честно, это принесет тебе намного больше проку, ибо я гораздо более полезный собеседник, нежели тот человек, которого ты сам из себя представляешь. Ты – мои руки, я – твой разум. Задай еще один вопрос, и на сегодня достаточно.

– Э... – я попытался сосредоточиться. Всего один вопрос... Как бы не промазать. И вдруг на меня нахлынули чувства из далекого детства, комок подкатил к горлу и я сквозь навернувшиеся слезы спросил. – Как там Чиф?

Мой таинственный визави в белом одеянии едва заметно улыбнулся и благосклонно покачал головой.

– С ним все в порядке. Вы скоро встретитесь... Теперь тебе пора возвращаться, – он снял с себя орден и протянул его мне. – Вот, возьми. Это наша с тобой печать, наш знак, символ вечно юной души, овладевшей древней мудростью.

В тот же миг я почувствовал холодное прикосновение металла к груди. Я расстегнул верхние пуговицы рубашки и увидел на шее маленький медальончик на тоненькой золотой цепочке. На нем красовалась все та же райская птица. Мне захотелось поблагодарить хозяина обители, но тот приложил указательный палец к губам, давая понять, что сейчас не время для пустых слов.

– Иди с миром, Дмитрий Кляйн по прозвищу Шаман, и жди, тебя скоро найдут. До встречи! – последние слова незнакомца прозвучали словно издалика и многократно повторились эхом в моем мозгу.

Свет стал слабеть и меркнуть, пока я не оказался в полной темноте, в которой спустя некоторое время удалось разглядеть знакомые очертания моей комнаты в студенческом общежитии в Москве на Ломоносовском проспекте рядом с гостиницей «Университетской», кинотеатром «Литва» и магазином «Балатон».

* * *

Дима Кляйн сидел раздетый до трусов в своей кровати и не мог понять, неужели все это ему только приснилось. А как же экспедиция в Тибет? Ну и дела... Значит это был просто сон, но какой ясный и логичный. Раньше Дима не запоминал сны. Они быстро улетучивались в момент пробуждения, а тут все так последовательно и четко – почти два месяца жизни с начала июля до середины августа. Днем его ждали изнурительные работы землекопа, а после – холодные высокогорные ночи и замечательные медитативные мечтания у костра в пещере... Дима рухнул на подушку, зевнул, немного повращал глазами, сладко кряхтя потянулся и незаметно для себя снова заснул.

Проснувшись утром, он подошел к умывальнику, глянул на себя в зеркало и оторопел. На шее висел медальон, подаренный ему белым незнакомцем во сне. Дима взял золотистую побрякушку и повертел в руке. Птица Сирин, казалось, лукаво подмигивала и слегка щурясь улыбалась. Чушь какая-то.

Отрывной календарь на стене показывал 28 мая. Этого еще не хватало. Получается, вчера только закончилась весенняя сессия. Через неделю отъезд на летнюю практику в Крым. А дальше...

Да кто теперь знает, что дальше?

Глава 4. Мир изменился

Первым делом Дима решил выяснить, как обстоят дела с экспедицией. Для этого он направился на Садовническую набережную в Институт минералогии и геологии редких элементов, который официально курировал все геохимические исследования в дальневосточном регионе. Там к его расспросам отнеслись более чем подозрительно, поскольку про экспедицию в Тибет никто ничего не слышал, да и в списках участников других экспедиций студент, едва закончивший первый курс, не значился. К тому же сведения по большинству экспедиций оказались строго засекреченными, и раскрывать их кому попало у сотрудников института, естественно, не было ни малейшего желания.

Уже на улице, Дима подошел к чугунному парапету набережной и взглянул на мутноватую поверхность Водоотводного канала. Постояв немного, он вдруг заметил, что воздух над водой напоен едва различимыми пряными ароматами, словно все это происходило не в центре Москвы, а где-нибудь на восточном рынке в базарный день. Солнце блестело на небольших волнах и сильно резало глаза. Насыщенность световых бликов живо напомнила юноше переживания, которые он получил во время кратковременного посещения Шамбалы. Вот точно так же искрились снежные вершины гор вокруг волшебной обители на берегу озера. На мгновение молодому человеку показалось, что он опять перенесся в неведомую страну, но нет, это ощущение длилось буквально пару секунд. Он по-прежнему стоял на набережной, и все вокруг было, как всегда.

Дима не понимал, что делать. Он был в полной растерянности, поскольку чувствовал, что произошло нечто фантастическое, какая-то непостижимая смена реальности, не доступная уму, словно кто-то незримый и очень могущественный в одночасье щелкнул выключателем. Это было очевидно. После странного видения в тибетской пещере студент-практикант явно вернулся не домой – в привычную обстановку, а в какую-то совсем другую жизнь. Хотя, попроси его кто-нибудь в этот момент описать, в чем же, собственно, он узрел различия, вряд ли бы ему это удалось. Внешне все было, как раньше, и все же каждой клеткой своего существа Дима ощущал, что мир изменился, и прежним он, по-видимому, уже никогда не будет.

В научно-исследовательском институте ему уже дали от ворот поворот. Трудно было представить, к кому бы он мог еще обратиться за объяснениями или хотя бы за элементарной помощью.

Немного поразмыслив, он нащупал в кармане двушку и тут же решил позвонить своему приятелю и однокурснику Леше, который в прошлый раз, собственно, и помог ему устроиться в ту злополучную экспедицию, так как его мама была лучшей подругой жены академика Багдасаряна, служившего директором института.

– Ты чего, с ума сошел? – прокричал в трубку Леша. – Какой нафиг Китай? С луны свалился? У нас с Китаем чуть ли не война, а тебе захотелось в экспедицию на Тибет...

– Какая война? – изумился Дима.

– Малахольный, – отрезал Леша. – Про остров Даманский ничего не слышал?

– Какой Даманский? Это когда было? – не унимался Дима.

– Ну, лет десять назад, наверное, или пятнадцать... Да, блин, какая разница, – Леша начал терять терпение. – Короче, нет никакой экспедиции, и не будет! И Тибета никакого нет! Все, перестань компостировать мне мозги!

Дима повесил трубку и немного задержался в телефонной будке. Целостная картина в его мозгу никак не складывалась. Мозаика разваливалась – сплошные белые пятна вперемежку с черными дырами. Предположим, все, что он пережил за лето, было сном. Тогда откуда взялся медальон? А если это не сон, то как объяснить прыжок во времени, который с ним случился?

Как вообще стала возможной эта экспедиция, если китайцы все равно не дали бы на нее разрешения? Или в той, прежней реальности, не было никакого Даманского, а в этой был...

Дима окончательно запутался. Он решил зайти в библиотеку, чтобы поднять подписку газет. Хотелось посмотреть, что происходило в мире за последние пятнадцать лет. Здесь его ждало немало сюрпризов. Он без труда нашел статьи о пограничном вооруженном конфликте из-за маленького островка на реке Уссури. Потом ему попались на глаза заметки о многотысячных митингах у посольства КНР на улице Дружбы, как раз неподалеку от университета, да еще и рядом с его любимой пивной, которую студенты метко окрестили Шанхаем. Протестующие несли плакаты «Долой клику Мао Цзе Дуна!» и швыряли в здание дипломатической миссии пузырьки с чернилами. Далее: ввод войск в Афганистан – эта новость Диму не удивила. Это и в прошлой жизни было. Следующая пачка газет: летние олимпийские игры в Москве... Какие еще олимпийские игры? Так, три года назад. С ума сойти! Еще одна подборка: Брежнев умер? В прошлом году? Сейчас у нас генсек Андропов, бывший председатель КГБ... Да, похоже в мире действительно что-то сильно изменилось. Но как такое возможно? – Это было за пределами понимания Димы Кляйна, простого студента из провинции. Ясно было одно – надо как-то приспособливаться к новой жизни.

Честно говоря, сильно приспособливаться не пришлось. События мирового масштаба никак не затрагивали жизнь простых людей внизу пирамиды. Разве что с облавами в кинотеатрах в рабочее время и распитием алкоголя в общественных местах временами возникали проблемы. Недоразвитые и до смешного ущербные нововведения реформатора Андропова немного мешали жить студентам и всем остальным пролетариям умственного труда. Но голь на выдумки хитра, поэтому никто особенно не парился. У Димы даже появились дополнительные поводы отличиться умом и сообразительностью в беспечной компании мажоров. Так, к примеру, за пару дней до практики с его легкой руки ребята приспособились разгуливать по улице Горького, которую все нарочито называли на старинный манер Тверской, с бледно-голубыми пакетами из-под молока, заблаговременно наполненными вином, и в самом центре Москвы дерзко квасили прямо на глазах у блюстителей порядка. Друзьям эта затея очень понравилась и доставляла несказанное удовольствие, поскольку доморощенное и по-детски наивное диссидентство веселило их и приятно щекотало нервы.

В эти же дни Дима решил написать письмо Чифу. Он долго не мог собраться с мыслями, но два обстоятельства вынуждали его сделать это.

Во-первых, никому кроме Сани Ровенского он не мог доверить ту тайну, с которой ему пришлось столкнуться в Тибете. Расскажи он о своих приключениях любому из сокурсников, в лучшем случае его бы просто сочли фантазером, а то и совсем чокнутым. Упрячут еще в психушку... Конечно, писать письма после стольких месяцев молчания было как-то не комильфо – не любил Дима резких движений с места в карьер. Но... Сказал же хозяин дворца с колоннами, которого Шаман для простоты окрестил Белым, что с Чифом все в порядке. Значит, может быть поймет. Может простит... А потом, он ведь и сам, гад, не писал. Мог ведь, наверное, черкнуть пару строчек, мол, жив-здоров, типа, как сам?..

Во-вторых, ему очень хотелось похвастаться перед старым другом тем, что он все-таки нашел Шамбалу – так и подмывало самым банальным образом пофанфаронить.

В конце концов, Дима собрался с духом, усадил себя за стол и подробно изложил всю свою историю на трех листах убористым почерком, умолчав только из предосторожности о деталях самой экспедиции и сохранив в тайне конкретные места и имена. Письмо было отправлено, дело сделано.

Оставшееся время перед практикой студент Кляйн провел в сборах, которые, однако, не мешали ему обдумывать сложившуюся ситуацию. Поначалу он боялся снова ехать в Крым. Ему казалось, что там он попадет в кошмар, в котором единожды прошедшие события начнут

навязчиво повторяться. Но нет. Все развернулось совсем иначе, подчиняясь какому-то другому, гораздо более интересному сценарию.

В прошлой жизни Дима вместе с остальными студентами отправился в Крым на поезде и долго трясся в плацкартном вагоне до Симферополя, а там их всех пересадили в автобусы и отправили на полигон МГУ, расположенный у села Прохладное неподалеку от Бахчисарая.

В этой жизни, где все перевернулось с ног на голову. Однокурсники собрались в день отъезда у главного входа МГУ. Там их уже поджидали автобусы. Начался большой переезд из Москвы в Крым с посещением различных мест, интересных и познавательных в геологическом отношении. В первый же день студенты осмотрели и зарисовали в своих полевых дневниках надпойменные террасы реки Оки на подъездах к Туле, потом ненадолго остановились в городке со смешным названием Плавск, и со столичным апломбом за глаза издевались над местными жителями, называя их плавцами и плавчихами, нарочито акая по-московски. Далее по пути следования были Мценск и Орел, Курск с экскурсией на горные разработки железорудной магнитной аномалии, гигантские меловые карьеры под Белгородом, соляные и каменноугольные шахты в Донбассе, Азовское море с огромной апельсиновой луной, низко висящей над гладью вод, дикие песчаные пляжи, лиманы и озеро Сиваш.

Да и в самом Крыму программа практики оказалась совсем иной. Короче, Дима понял, что скучать не придется, и не скучал. Он приновился к новой реальности, и даже находил ее местами увлекательнее прежней.

Из Крыма Дима решил отправиться к родным пенатам, чтобы провести каникулы дома у родителей, отдохнуть, набраться сил и, несмотря на столичный апломб, все-таки встретиться со своими старыми товарищами.

Глава 5. Письмо

Полковник КГБ Клюев сидел за своим рабочим столом в штабе и в который раз перечитывал письмо, адресованное младшему сержанту Ровенскому, служившему в 70-й гвардейской отдельной мотострелковой бригаде под Кандагаром. Было уже поздно, настольная лампа выхватывала из темноты кабинета лишь участок стола, где поверх папок и бумаг лежали несколько листочков, испещренных красивым мелким почерком. Клюев был неподвижен, и только кончики пальцев самопроизвольно выстукивали на поверхности стола какой-то незамысловатый ритм.

Полковник размышлял. Некто Дмитрий Кляйн, студент МГУ, называвший себя в письме Шаманом, в цветах и красках описывал свое путешествие в Тибет. В его рассказе обо всем, что там с ним происходило, – довольно подробном и выверенном – не было явных логических ошибок и провалов, характерных для шизофренического бреда или непроизвольного вранья человека, страдающего мифоманией. На первый взгляд в нем вообще не было ничего интересного – обычные юношеские фантазии, правда, талантливо и весьма живо изложенные, не исключено даже, что это были всего лишь какие-то литературные потуги, так сказать, пробы пера начинающего писателя-фантаста, тем более, что в реальности Кляйн никак не мог легально попасть во враждебный Китай.

Клюев снова взял письмо, задумчиво перетасовал листки и еще раз сконцентрировался на финале. Там речь шла о непонятном пространственно-временном скачке, в результате которого Кляйн неожиданно оказался в Москве на целых два месяца ранее пережитых им событий. Все это можно было с легкостью объяснить впечатлительностью студента, или подвижностью его психики, или даже действием алкоголя, или чего хуже – какого-нибудь забористого наркотика. Однако полковнику здесь явно что-то не нравилось. Может быть, его настораживала та настойчивость, с которой автор старался убедить сержанта Ровенского в том, что все, о чем он тут пишет, не вымысел, а абсолютно реальное происшествие, которое приключилось с ним на самом деле? Кляйну зачем-то очень нужно было, чтобы Ровенский отнесся к его истории предельно серьезно. Да, такие вот странные пироги...

Письмо это попало к начальнику особого отдела Федору Степановичу Ключеву можно сказать случайно. Полностью всю корреспонденцию, которая отправлялась с большой земли в Афганистан, конечно же никто не просматривал. Но в данной ситуации какого-то служаку заинтересовал тот факт, что переписка двух друзей, прекратившаяся сама собой несколько месяцев назад, вдруг возобновилась, да еще и конверт с письмом был таким соблазнительно пухлым и увесистым.

Вдруг – это всегда подозрительно. Надо было проверить. Чутье чекиста не подвело, в письме было много неясного, и пакет тут же перекочевал в инстанцию рангом повыше.

Полковник думал. Он никак не мог решить, что с этим делать. С одной стороны, парнишка из Москвы недвусмысленно сознавался в том, что нашел где-то в Тибете некий вход в Шамбалу. С другой стороны, эта новость была настолько фантазмагорической, что сообщив он о ней руководству, его попросту засмеют, а то и прямо обвинят в непрофессионализме. Столько умных голов искали, искали, а найти не могли, а тут вдруг какой-то студентик взял и нашел. И как он только умудрился попасть в Тибет в нашей-то беспокойной политической ситуации? Да еще этот скачок во времени. Чутье какая-то. В общем, одни вопросы.

И все же Клюев решил отправить донесение в Третье главное управление КГБ вместе с копией письма и предложением пристальнее понаблюдать за развитием событий, а при необходимости поработать параллельно с младшим сержантом Ровенским, который, судя по всему, с ситуацией не знаком.

Ответ на удивление пришел очень быстро. В шифрограмме полковнику Клюеву было приказано отправить письмо адресату, а самого Ровенского в надлежащее время вызвать в штаб для встречи со специальным агентом Первого главного управления. До тех пор младшего сержанта необходимо было отстранить от любых боевых действий, чтобы с ним не дай бог ничего не случилось, и срочно перебросить в глубокий тыл, поближе к штабу, подальше от стрельбы.

«Во как», – подумал Федор Степанович и распорядился, чтобы письмо Кляйна было аккуратно запечатано и отправлено адресату, самого же Ровенского – безотлагательно командировать в штаб. С весточкой от Кляйна он, конечно же, разминется, но так будет даже достовернее, поскольку письмо, спустя некоторое время, все равно вернется назад в поисках нового адреса получателя, сделав крюк через место дислокации части, где служил младший сержант. Появится лишнее косвенное доказательство, что Чифа вызывали в штаб не ради пакета.

* * *

– Эй, Чиф! К ротному срочно! – прокричал дневальный. – Давай, по-быстренькому.

– Что за спешка? – удивился младший сержант Саня Ровенский. – Посидеть спокойно не дают, а завтра, бляха-муха, снова на задание...

– Все, отвоевался, братишка. Кончились твои задания. За особый героизм и боевые заслуги тебя командируют в штаб, – съязвил всезнающий дневальный.

Ротный долго рассусоливать не стал:

– Собирай манатки, вертушка через двадцать минут. Давай, к новому месту назначения. Вот документы.

– Надолго, кэп? – Чиф хотел уточнить, насколько основательно собираться.

– Хрен его знает, – пожал плечами ротный. – Сказали с вещами. Так что, бери все и дуй.

Спустя полчаса он уже летел вместе с еще пятью бойцами, какими-то ящиками, свертками и одним щеголеватым молоденьким лейтенантиком из штаба на северо-восток, туда, где было относительно спокойно – местный рай для воинов-интернационалистов.

Через неделю в штаб прибыл сотрудник Первого управления и потребовал Ровенского к себе. Беседу он поручил провести Клюеву, сам же в форме незначительного штабного офицера скромно присутствовал в кабинете и молчал. Нужно было присмотреться к бойцу.

– Товарищ полковник! Младший сержант Ровенский по вашему приказанию прибыл! – отчеканил Чиф, войдя в кабинет.

– А... Здорово, сержант, – сказал Клюев. – Давай заходи. Наслышаны мы тут о твоих подвигах. Хорошо воюешь.

– Служу Советскому Союзу! – рявкнул в ответ Чиф, косясь на офицера, тихо сидевшего в углу, а сам подумал: «Ну и нафиг я понадобился этим гэбистам?»

– Молодец. Так и надо, – проговорил полковник, лукаво щурясь, словно прочитав Санины мысли. – Задание есть для тебя огромной важности. Вот будешь сопровождать капитана Самохвалова на большую землю. Поступаешь в его полное распоряжение. Он же тебя и проинструктирует. Вопросы есть?

– Никак нет! – звонко выдохнул Чиф и еще раз посмотрел на капитана, но уже более пристально, оценивая его по какой-то своей внутренней шкале.

«Точно Самохвалов, – подумалось Сане после того, как они на какое-то мгновение встретились взглядами. – Скользкий тип. С таким надо вести себя поосторожнее...»

– Правильно, – улыбнулся Федор Степанович, – меньше знаешь, крепче спишь.

Чиф позволил себе вялую кривую улыбочку в ответ. А агент Самохвалов, или как его там на самом деле, подумал: «Бесхитростный паренек. С таким будет несложно работать».

– Разрешите идти? – осведомился по форме Саня Ровенский.

– Иди. Отдыхай пока. Капитан тебя вызовет, когда понадобится.

Чиф развернулся кругом, чтобы выйти из кабинета, но тут же услышал как бы вдогонку:

– Да, как выполнишь задание, получишь двухнедельный отпуск.

– Есть, – радостно ответил Чиф и удалился.

«Не развернулся, только голову слегка повернул, – подумал капитан. – Определенно интересный материал. Не стал дожидаться новых реплик, чувствует, что разговор закончен».

– Ну что скажешь, Федор Степанович? – поинтересовался капитан, когда Ровенский покинул кабинет.

– Он ничего не знает. Это не его игра, – ответил полковник.

– Похоже на то, – успокоился Самохвалов, – но надо проследить, как он отреагирует на письмо. В любом случае, пока пакет от Кляйна не придет – сидим здесь.

– Кстати, за Шаманом наблюдение установили? – поинтересовался Клюев.

– А то... Но теперь это уже наша забота, дорогой Федор Степанович, а вовсе не военной контрразведки, – напомнил капитан. – Прости за прямоту.

– Ясен пень, товарищ майор госбезопасности, – сказал особист с явным облегчением. – Если что, обращайся, поможем.

Письмо Шамана добралось до Чифа только через три дня. Он удивился и обрадовался одновременно. Долгие месяцы ему было очень грустно сознавать, что лучший друг просто-напросто забыл его, особенно здесь, на войне, где люди чувствуют все острее и больнее. Ан, нет, оказывается не забыл... И на душе сразу стало как-то легко и приятно.

Чиф присел на двухъярусную койку в казарме, которая примыкала непосредственно к зданию штаба. Здесь несли службу странные ребята. Они мало общались друг с другом, и, похоже, были надерганы случайным образом из самых разных подразделений. При этом время от времени командование осуществляло ротацию, поэтому больше двух-трех месяцев здесь никто не задерживался за исключением нескольких самых одаренных тыловикиков, сумевших доказать штабному начальству свою незаменимость. Для Чифа и еще нескольких ребят, прибывших, если можно так выразиться, с передовой это место было настоящим курортом. Никаких заданий никто не давал, нарядов нет, свободного времени – куча, короче, рай, он и есть рай, даже если его место в Афганистане.

Чиф вскрыл конверт и прочитал, нет, не прочитал, а залпом проглотил письмо. Он не верил своим глазам. От странных предчувствий у бойца появился какой-то прохладный зуд в области диафрагмы, и комок подступил к горлу. Он принялся перечитывать, как вдруг услышал голос прямо над собой:

– От девушки?

Чиф поднял глаза и к своему удивлению увидел капитана Самохвалова. «Что он здесь делает? – подумал солдат и едва заметно сощурился, выражая тем самым некоторое язвительное недоверие к происходящему. – Неужели мимо проходил? И надо же, как тихо подкрался, гад...»

– Нет, от друга, – вслух проговорил Чиф, сдерживая эмоции, но тут же, вовремя сообразив, что отвечает не по уставу, вскочил и поправил одежду. – Виноват, товарищ капитан.

– Что пишет? – в вопросе капитана не было любопытства, скорее дежурная вежливость.

– Да так, о жизни, – отмахнулся Ровенский, поняв, что капитан предлагает дружескую, если можно так выразиться, беседу, а вовсе не протокольное общение.

Капитан пристально посмотрел на Чифа, но не стал долго изучать его взглядом и поддерживать разговор тоже не стал, а сделал вид, что ему на самом деле все равно и даже как-то немного скучновато.

– Готовьтесь, товарищ младший сержант, завтра выезжаем, – проговорил Самохвалов, но не в виде приказа, а самым обычным бытовым тоном. – Одежду вам сейчас принесут. Оружие и обмундирование сдадите, как полагается. Инструкции – по дороге. Все ясно?

– Так точно, товарищ капитан, – ответил Чиф.
– Олег Сергеевич, – предложил Самохвалов.
– Так точно, Олег Сергеевич, – поддержал Чиф, – ясно.
– Вот и славно, что ясно, – улыбнулся капитан, он же майор госбезопасности, он же руководитель особой группы и специальный агент Управления «Т» – научно-технической разведки Первого главного управления КГБ СССР.

«Дело ясное, что дело темное», – подумал про себя Саня Ровенский.

Вскоре его вызвали в каптерку, где он сменил свою форму на гражданскую одежду спортивного стиля. Футболка с короткими рукавами, летняя куртка-ветровка, джинсы, кроссовки были явным секонд-хендом – ношенные, но в отличном состоянии: еще довольно крепкие, чистые и даже модные. Переодевшись, Чиф стал походить на обычного паренька с улицы, ничем не примечательного, но вполне ухоженного и современного.

– Тебе идет, да и сидит неплохо, – сказал Самохвалов, разглядывая Чифа со всех сторон.

Сам он тоже был одет в штатское, на плечах небольшой рюкзачок, на голове – широкополая туристская шляпа песочного цвета.

– Завтра будем в Узбекистане, а оттуда в Москву. Надо доставить груз, – пояснил он, кивая на рюкзак за спиной. – Сверхсекретный... Никто не должен знать, что находится в этом рюкзаке, ни ты, ни даже я – никто. Головой отвечаешь и за меня, и за него... Уразумел?

– Так точно, – ответил Чиф.

– По-русски говори, – сказал Самохвалов.

– Уразумел.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся капитан, – привыкай к гражданке.

Из Кабула до Ташкента Саня с капитаном Самохваловым добрались военным бортом, а дальше предстояло раствориться в толпе и вылететь в Москву обычным пассажирским рейсом.

Пока летели, в основном молчали, хотя Чиф и ждал обещанных инструкций от капитана, но вопросов задавать не стал. «Надо будет, сам все расскажет», – резонно подумал он.

– Эй, боец, тебя как лучше называть? – неожиданно спросил Олег Сергеевич.

– В смысле...

– В смысле, мы теперь люди вроде гражданские. Товарищи капитаны всякие и младшие сержанты больше не канают.

– Ну... зовите Саней.

– А может лучше Чифом? – поинтересовался Самохвалов.

– Кличку мою знаете, – удивился Саня. – Откуда?

– Ну, кто же в Кандагаре не знает Чифа? – лукаво отшутился капитан.

– Хорошо, зовите Чифом, – согласился Саня.

– А ты называй меня Олегом, – серьезно сказал Самохвалов, – или дядей Олегом, если тебе так будет проще.

– Олег подойдет, – Чиф попытался на глаз определить разницу в возрасте, и ему показалось, что для дяди капитан все-таки слишком молод.

– Заметано, – ответил Олег, улынувшись, – и давай сразу на ты. Так будет лучше.

На этом инструктаж, похоже, был завершен.

Дальше летели молча. Капитан бережно прижимал к себе рюкзак, а Чиф, опершись на стенку фюзеляжа, попытался немного расслабиться: уж больно неудобные сиденья в военных транспортниках.

В аэропорту Ташкента стояла настоящая сухая узбекская жара, казалось, даже воздух слегка дрожал, как в парилке. Чиф снял куртку, просунул палец в петельку и закинул ветровку за спину. Багажа у них не было, кроме рюкзака, который Олег собирался взять с собой в салон самолета в качестве ручной клади.

– Наш рейс на Москву завтра, – сказал Самохвалов, снимая рюкзак. – Вот посиди тут, покарауль. Я скоро: пара минут. Как говорится, воин, будь бдителен! Вернусь, поедем в гостиницу.

– Угу, – согласился Чиф, понемногу привыкая к новой роли.

Он сел на твердый и не очень удобный пластиковый стул в зале ожидания как раз напротив табло прилета-вылета, положил рюкзак под ноги и задумался. Чиф вспомнил письмо, пришедшее от Шамана, и стал размышлять о превратностях судьбы. Не верить сказанному у него не было никаких оснований, но и поверить оказалось непросто. Любопытно, как он вообще оказался в Тибете? Хорошо бы, конечно, встретиться с другом да обо всем подробно порасспросить. Однако мысли на письме задержались ненадолго, и вот уже Саня почувствовал, как улетает в далекое детство. В памяти возникли образы их тайной норы на пустыре, горячих пыльных тропинок среди лопухов и того ни с чем не сравнимого ощущения, когда теплая пыль, как невесомая тончайшая пудра просачивается между пальцами босых ног и фонтанирует под давлением стопы.

В такой светлой и приятной полудреме прошло минут двадцать. Олег где-то задерживался. Чиф почувствовал себя неуютно. Он вздрогнул, сбрасывая с себя сладкое томление, и беспокойно огляделся по сторонам. Было неясно, спал он или бодрствовал все это время. Рюкзак, слава богу, лежал на месте. В зале ожидания находилось довольно много народа, но все эти люди были заняты своими делами. Никто из них не вызывал никаких подозрений. В кресле напротив мирно посапывал вареный узбек в потной голубой рубашке, расстегнутой чуть ли не до пупа. Рядом с ним стоял старый потертый чемодан и какие-то узлы, связанные между собой, чтобы удобнее было носить на плече. Чуть поодаль у стойки дежурили два полусонных черноусых милиционера, одинаковых с лица, как братья близнецы. Еще несколько людей бродили по залу. Кто-то покупал в буфете теплую минералку. Небольшая группа молодых людей с увесистыми рюкзаками на алюминиевых рамах, по-видимому, туристов, изучала расписание. Внешне все выглядело вполне обыденно и спокойно. Но Олега нигде не было.

Чиф подождал еще минут сорок или даже час в надежде, что ситуация как-то сама собой рассосется. Ему уже становилось явно не по себе. Он почувствовал, как похолодело у него на душе, даже мурашки побежали по коже. Что он имел? Старший, за которого он должен был отвечать головой, пропал неизвестно куда. Теперь уже в этом не было ни малейших сомнений. Документов нет, денег нет. И главное, он сидит тут один в аэропорту чужого города с совершенно секретным грузом в рюкзаке, не зная ни цели миссии, которую ему предстояло выполнить, ни контактов, на которые можно было бы выйти в критическом случае, ничего... Что делать?

Так, спокойно. Сейчас он что-нибудь придумает. Для начала надо сосредоточиться. Может быть, стоит еще немного подождать? Вдруг сейчас появится капитан и весь этот кошмар закончится? В итоге он прождал еще пару часов, не решаясь ни на какие действия, но Олег так и не появился.

Саня-Чиф всегда считал излишнее любопытство пороком, поэтому старался никогда не задавать ненужных вопросов. Но теперь ему казалось, что зря он не стал выяснять у Самохвалова деталей операции. Эх, сейчас бы хоть какую-нибудь зацепочку. Хотя бы знать название гостиницы, в которой они собирались переночевать.

Ну, одна-то зацепочка была, а именно груз, лежащий в рюкзаке. Надо найти укромное местечко и выяснить, что там находится. Может быть, тогда что-нибудь прояснится, и он поймет, как поступить. Чиф уже было собрался пойти в туалет, чтобы проверить содержимое рюкзака, но тут же припомнил наказ Олега: никто не должен знать, что это за груз. Что делать? В конце концов, он всегда сможет посмотреть, что лежит в рюкзаке чуть позже, когда станет ясно, что других вариантов не будет.

Чиф старался восстановить в памяти все нюансы его непродолжительных разговоров с капитаном, и вдруг отчетливо осознал, что вообще ничего не знает. Знает только, что сопровождает некоего капитана Олега Сергеевича Самохвалова с секретным грузом в Москву. А куда именно? В КГБ? А может еще куда-нибудь: в министерство обороны, например, а может прямо в ЦК? Так, стоп. Надо обратиться в милицию. И что он там скажет? Долго объяснять – все равно никто не поверит, начнут разбираться, выяснять, задавать ненужные вопросы... Да и груз придется засветить. Тем более, что у него нет при себе никаких документов. Ясно, милиция не подходит.

Тогда надо отправиться в город и найти местное управление КГБ, или как оно тут называется. Интересно, до города далеко? Денег в кармане ни копейки...

Чиф снова огляделся по сторонам и увидел семью из четырех человек: папа, мама и двое детишек с большим количеством чемоданов и баулов, которые пытались со всем своим скарбом вылезти из здания аэропорта к стоянке такси. Это был шанс. Он подхватил рюкзачок, подошел к мужчине и начал разговор.

– Извините, – сказал Чиф, – у меня украли деньги, и я не могу добраться до города. Можно я помогу вам с вещами, а вы подбросите меня до Ташкента?

Отец семейства пристально посмотрел на крепкого молодого человека, который явно врал, но вид у того был настолько растерянный, что мужчина не почувствовал никакой угрозы. Наоборот, он даже обрадовался неожиданной удаче – найти такого хорошего и почти бесплатного носильщика, а то, что парень не хочет говорить правду, так это его дело.

– Лады. Давай, дорогой, – сказал он, приободрившись, – бери вот эти чемоданы. Пошли. Вскоре вещи были погружены в такси, дети с женой усажены на заднее сиденье.

– А ты куда едешь, парень? – спросил мужчина, садясь в мотор.

– Не знаю. Мне в центр, – ответил Чиф, побоявшись открыто сказать о конечной цели своей поездки.

– Ладно, до «Пахтакора» довезу, а дальше сам.

Чиф благодарно кивнул и сел рядом с детьми, положив заветный рюкзак на колени. Машина тронулась.

Аэропорт оказался не так уж и далеко от центра города. В принципе, можно было и пешком добраться. Всю дорогу Саня внимательно смотрел в окно, стараясь запомнить маршрут. Город был красивым, ухоженным и зеленым. Таксист остановился на Узбекистанском проспекте, как раз напротив знаменитого стадиона. Чиф вылез из машины, поблагодарив своего спасителя, и надел рюкзак. Чуть впереди по ходу красовался мост через канал Анхор. Молодой человек посмотрел по сторонам, пытаясь сообразить, в какую сторону идти. Прохожие, к которым он обращался с вопросом, как пройти к Комитету госбезопасности, шарахались от него, как от прокаженного. В конце концов, Чифу удалось выяснить, что тут совсем недалеко, буквально два шага. Здание КГБ Узбекской ССР находилось на улице Ленинградской, дом 9.

Пока Чиф шел, сомнения снова проникли в его душу и начали рвать ее на части. А вдруг эта миссия настолько засекречена, что местные гэбисты ничего о ней не знают? Сказал же Олег – никто не должен знать. Да и кто такой Олег на самом деле? Может он и не капитан вовсе, может и не Олег Сергеевич Самохвалов, а может быть даже и не офицер КГБ. Еще полчаса назад Сане Ровенскому казалось, что он нашел выход из сложного положения, теперь же, на самом пороге резиденции госбезопасности Узбекистана, ему стало окончательно не по себе. Сейчас ведь загребут по полной, и тогда вообще не отмоешься. Еще решат, что я дезертировал из Афгана. Доказывай потом, что ты не верблюд. Блин, блин, блин... Вот попал!

Чиф потоптался немного на тихой Ленинградской улице и, чтобы не вызывать ненужных подозрений, отправился обратно к каналу. Пожалуй, надо вернуться в аэропорт. Эх, Саня, Саня... Зря ты вообще оттуда уехал. Вдруг Олег уже пришел, а тебя там нет. Представляешь, какой кипиш поднимется.

Обратно Чиф пошел пешком. Оказалось, что до аэропорта примерно часа полтора ходу, не больше, тем более что можно было срезать приличный угол, двигаясь сначала по проспекту Ленина, а потом по Педагогической улице, пока она не впадала в улицу Богдана Хмельницкого, ведущую прямо к зданию аэровокзала.

Чиф шел быстрым военным шагом, не смотря на жару, как вдруг в нескольких десятках метрах от канала Салар, в месте достаточно безлюдном и укромном, к нему подошли трое крепких парней спортивного телосложения.

– Хой, рус йигит, – окликнул его старший, – куда спешишь? Ну?

– Ребята, я вас не трогаю, и вы идите себе с миром, – ответил Чиф, подозревая, что дело добром не закончится.

– Отдавай рюкзак, харып, – резко сказал второй, достав из кармана складной нож, и стал осторожно приближаться к Чифу, – деньги давай!

– Так, парни, – Чиф вытянул вперед руки, широко расставив пальцы, пытаясь этим примиряющим жестом спустить ситуацию на тормозах, – только вот этого не надо. Ладушки? Чш-ч-ч...

Он быстро стрельнул глазами, чтобы прикинуть диспозицию, соображая, как лучше защититься.

– Что шипишь, как змея? – возмутился третий, обходя Чифа с правого фланга, – Сумка давай, гётуна сыктым.

С этими словами он сделал рывок в сторону Чифа и поднял руку, чтобы схватиться за лямки рюкзака. Чиф, слегка присев, ловко нырнул ему под руку. Нападавший даже удивиться не успел, как тут же получил сокрушительный удар локтем в бок. При этом хулиган завизжал, словно недорезанная свинья, и согнулся пополам. Возможно, Саня сломал ему ребро, может быть, даже повредил правое легкое, но размышлять об этом было некогда, требовалось срочно нейтрализовать парня с ножом, который немного замешкался, поэтому Сане удалось ловким ударом ноги сразу выбить нож, а следующий удар уже пришелся прямым в переносицу. Противник вскрикнул и закрыл ладонями лицо. Из-под пальцев потек ручеек крови. Главарь, стоявший чуть поодаль, замер в нерешительности. Он никак не ожидал такого резкого и профессионального отпора. В легком приседании Чиф шаркнул ногой о землю, сделав небольшой шажок-выпад в сторону старшего. Тот не выдержал психологической атаки и отступил.

– Кутынгеске джальяб! – вскричал он и бросился наутек. Остальные, охая и постанывая, тоже спешно ретировались.

– Знай наших, падлы чуркестанские, – ухмыльнулся Чиф, испытывая гордость за себя и за все доблестные ВДВ.

Он снял с себя рюкзак, который хотели отнять местные хулиганы, и тут же испытал новый прилив искушения. Что же там внутри?.. Рука уже непроизвольно потянулась к застёжке, но внутренний голос снова запретил ему проявлять малодушие. Ведь дело даже не в военной тайне, а в солдатской чести, которую нельзя замарать. Дал слово – держись.

«Однако надо сматываться, – подумал победитель, – мне тут еще ментов не хватало».

Чиф еще с гражданки заметил, что у милиции есть удивительная способность всегда появляться вовремя, то есть, как раз к тонкому и едва уловимому моменту между кульминацией и развязкой. Чуют жареное, сволочи.

Он с легкостью пробежал метров двести вперед, пересек мост через канал. Ни милиции, ни погони за ним не было. Все чисто. Саня остановился и немного отдышался.

После потасовки на душе стало немного веселее, и, несмотря на жару, Чиф бодро зашагал дальше. До аэропорта оставалось совсем немного, каких-то полкилометра, или на худой конец – километр. И пока он шел, в голове проскочила мысль надежды – Клюев. Надо попытаться связаться с Федором Степановичем. Он известный штабной служака и совершенно очевидно – фигура не подставная, а напротив – абсолютно реальная. Полковник должен знать расклад,

хотя бы в общих чертах. Ведь это он отправил Саню с Самохваловым. Он же послужит Чифу адвокатом на случай, если ему начнут инкриминировать дезертирство.

С этими радостными мыслями Саня Ровенский вошел в здание аэровокзала. Там все было по-прежнему, как и несколько часов назад. Даже милиционеры, казалось, стояли в тех же позах. Чиф подошел к креслам в зале ожидания, нашел свободное место и сел. Он решил, что торопиться уже некуда. Нужно спокойно и уравновешенно обдумать план, как в сложившейся ситуации выйти на товарища полковника.

В этот момент прямо перед ним словно из-под земли выросла знакомая фигура Самохвалова, даже показалось, будто в воздухе колокольчик прозвенел – настолько неожиданно он появился. Капитан стоял, скрестив руки на груди, и с ухмылочкой смотрел на нашего героя.

– Молодец, Чиф, – сказал Олег, и похвала его прозвучала как-то буднично, словно ничего особенного не произошло, – честно говоря, ты меня удивил.

Вся эта катавасия оказалась тщательно спланированной проверкой. В течение всего времени за Чифом наблюдали несколько пар пытливых глаз, следили за каждым его движением, изучали выражение лица, стараясь угадать ход мыслей молодого десантника, фотографировали, документировали и докладывали по рации шефу, майору госбезопасности Олегу Сергеевичу Станкевичу, известному Чифу под именем капитана Самохвалова. Ташкентские хулиганы оказались молодыми сотрудниками КГБ Узбекистана, начинающими оперативными работниками, так что мастерская взбучка, которую они получили от десантника у моста через Салар, должна была пойти им на пользу как хорошее практическое занятие и тренинг.

Олегу хотелось узнать, сможет ли Чиф преодолеть соблазн заглянуть в рюкзак, надежный он человек или нет. Опять же интересно было понаблюдать за его действиями в ситуации полной неопределенности. Учитывая наивность и бесхитрость фигуранта, вероятность ведения им двойной игры исключалась.

– Экзамен выдержал? – спросил Чиф без капли раздражения. В его сознании разрозненные и бессмысленные части начали складываться во вполне понятную картину.

– На троечку, – ответил Олег. – Но для начала сойдет.

Капитан смотрел Чифу прямо в глаза, стараясь понять, затаил ли тот злобу на него за эту проверку, будет ли хитрить и мстить, или нет.

– Почему только на троечку? – искренне расстроился Чиф.

– Меня же проворонил, – не без иронии заметил Олег, – потому и тройка. Кому было сказано – отвечаешь за меня головой?

Чиф согласно покачал головой.

– Но не дрейфь, боец, – подбодрил капитан, – тройка не банан. Удовлетворительно, как-никак. Так что давай пять. Зачтено.

Он протянул десантнику руку. Тот молча пожал ее и вздохнул с явным облегчением.

– Ничего не хочешь сказать? – поинтересовался Олег. – Может спросить чего...

– Что в рюкзаке? – выдохнул Чиф.

– Ничего, – засмеялся Олег. – Мои старые тапочки.

– Так и знал, – сокрушился десантник.

– Знал? – удивился капитан, театрально приподняв бровь.

– Догадывался, – примирительно пробурчал Чиф. – Значит, нет никакого московского задания. Тогда в чем смысл?

– Работать со мной будешь? – спросил Олег.

– Буду.

– Вот в этом и смысл, – улыбнулся Самохвалов. – Нужен ты мне такой резкий и красивый. Потом объясню... Ладно, валяй в отпуск, отдохни немного. Через две недели жду тебя в Москве. Выйдешь на связь. Провернем одно дельце, и тогда тебе для карьеры даже высшая школа КГБ не потребуется. Считай, жизнь удалась.

Чиф опешил. Вот так поворот! Как и у всякого нормального советского человека, у него было чуть ли не врожденное недоверие и даже некоторое презрение, если не сказать отвращение, к органам безопасности. Но это в первую очередь относилось к так называемым сексотам, стукачам и провокаторам, а здесь же он всеми клетками кожи почувствовал, что предстоит настоящая интересная мужская работа.

– Что молчишь? – спросил Олег. – Куда поедешь отдохнуть?

– Домой поеду, – ответил Чиф.

– Вот это дело, – подытожил Самохвалов, – билеты на самолет тебе купят, личные вещи пришлют, документы и деньги получишь завтра. Да, и никому ни слова. Ну, ты понимаешь. А сейчас – в гостиницу, или ты здесь хочешь заночевать?

Чиф вместе с Олегом снова вышел из аэровокзала. Теперь их сопровождали несколько человек из местных чекистов. Они сели в две черные волги и опять помчались по улице Богдана Хмельницкого к центру города. «Кажется, этот пейзаж я уже где-то видел», – подумал Чиф, ухмыльнувшись, и предался юношеским мечтаниям. Начиналась его новая жизнь, полная приключений. В этом-то он уже нисколько не сомневался.

Глава 6. Снова вместе

Сразу после крымской практики Дима Кляйн отправился домой. Он даже не стал заезжать в Москву – не хотел делать крюк. На летние каникулы студентам отводились полтора месяца, а дальше еще одна короткая практика – геодезическая в деревне Сатино, Боровского района, Калужской области. Так что времени для отдыха было еще много: вагон и маленькая тележка, как любил приговаривать Димин отец.

Дома все было по-прежнему, то есть вообще ничего не изменилось. Или почти ничего. Поутру все также ворковали горлицы, а густой воздух, насыщенный запахами цветов, трав и дорожной пыли, плавно, но уверенно терял свою ночную прохладу, что предвещало жаркий день. Во дворе стояла прозрачная тишина, молодая поросль нового поколения еще не вышла погулять, да и где теперь гулять... Большой пустырь за домом вот уже несколько лет как превратился в школу с прилегающими спортивными сооружениями и территорией парка с небольшим ботаническим садом. А ведь где-то там была их с Чифом нора, в которой Дима впервые испытал тонкое соприкосновение с тайной, так сильно напугавшее его и в то же время, направившее всю его дальнейшую жизнь во вполне определенное русло.

Торопиться было некуда. Шаман стоял на тенистом балконе, пытался взглянуться сквозь ветви деревьев вдаль и прикидывал, как он проведет каникулы. Первые дни он, конечно же, погостит у родителей, заодно постарается узнать, кто еще из старых друзей на месте. А потом... Тут планы путались и никак не выстраивались в целостную и завершенную схему. С одной стороны, ему хотелось побыть в тишине, ну там, на рыбалку отправиться, что ли. С другой же стороны, неплохо было бы потусить в местах детско-юношеской боевой славы. Не давали покоя и мысли о Белом.

Видение Шамбалы так ярко светилось в его сознании, что порой затмевало все остальное. Живые ощущения, испытанные Димой Кляйном в стране светящегося неба, высоких гор, кристального озера и белоснежной обители, которая из простой хижины ловко превращалась в сияющий дворец, будоражили и держали в тонусе. Однако чем сильнее Шамана захватывал водоворот текущей жизни, тем больше ему хотелось верить, что неожиданное случайное проникновение в таинственную страну Белого братства было всего лишь сном: фантастическим, связным, очень натуральным, но все же сном.

И тут Шаман понял: ему нужна определенность, иначе он просто свихнется. Если это было, значит было. Если не было – не было, и точка. Сил больше нет все время взвешивать, сомневаться и переживать.

Так, стоп, а если все-таки было, значит, непременно повторится еще раз. Ведь намекнул же тогда Белый в момент их прощания, что прошлая встреча – это только начало.

Дима решил выйти на улицу и немного прогуляться. У него возникла идея найти то место, где некогда находилась нора. Вдруг ему снова посчастливится вызвать белый шар, хотя он ни малейшего понятия не имел, как это удалось ему в детстве в тот далекий весенний день незадолго до конца учебного года. Скорее всего, это была не его заслуга, а совсем даже наоборот, великие посвященные Азары и Кутхумпа из своего таинственного мира сами сигналили ему во тьме. Хорошо, пусть будет так, тогда он дождется новых знаков.

Дима огляделся по сторонам и постарался привязаться к каким-нибудь ориентирам. Вот старый пирамидальный тополь в углу палисадника у его дома. От него до норы было шагов сто, может быть сто двадцать – не больше, как раз напротив третьего подъезда соседней девятиэтажки. Да, нора должна была быть где-то здесь, в районе нынешней школьной спортивной площадки, как раз в том месте, где сейчас располагается большая песочница для прыжков в длину. Шаман потоптался немного у песочницы, сжав в кулаке медальон, подаренный Белым.

Он рассчитывал получить хоть какой-то знак, но так ничего и не обнаружил. «Все, я, кажется, схожу с ума», – подумал юноша и посмеялся над собственной глупостью.

Он хотел уже вернуться домой, но покинув территорию школы, увидел вдруг на дорожке, вымощенной тротуарной плиткой, знакомую фигуру. Молодой человек крепкого телосложения бодро шагал вдоль школьной ограды по направлению к их двору и радостно улыбался. За спиной у него болталась внушительных размеров походная сумка на широком ремне через плечо. Дима не поверил своим глазам. Легкой спортивной походкой навстречу ему шел друг его детства Саня Ровенский по прозвищу Чиф. На глаза Шамана навернулись слезы, он даже не предполагал в себе такой сентиментальности. Товарищи бросились друг к другу и обнялись, и сразу же им обоим стало ясно, что их сегодняшняя встреча не случайна, каждый в глубине души ждал и призывал ее. Чем не знак от Белого братства Шамбалы?

«Ну вот, кажется, планы на ближайшее будущее выстроились», – с явным облегчением подумал Шаман.

Вечером они уже сидели в кафе «Марс» за столиком, спрятавшись в предсумеречной тени каштанов, и пили черный кофе с коньяком, который здесь готовили в медных джезвах на раскаленном песке и подавали в маленьких чашечках: горячий, ароматный, тягучий.

– А ты помнишь, Шаман, как мы с ребятами прикалывались в этом кафе? – мечтательно вздохнув, спросил Чиф.

– Конечно, брат, в десятом классе, – улыбнулся Шаман. – И еще читали вывеску наоборот. Получалось «Срам»...

– Ага, а рядом магазин «Огород», наоборот читается «Дорого».

– Да, были времена...

– А кофе здесь всегда был отличный.

– Точно, он же кофе, – попытался сострить Шаман, но Чиф не понял шутки. – Ну, то есть, я хочу сказать, здесь настоящий кофе варят, а не бурду всякую.

Саня вежливо улыбнулся. Он сидел, развалившись в уютном плетеном кресле, и наслаждался каждым мгновением жизни, потягивая любимый напиток малюсенькими глоточками. Все, что происходило вокруг, было и с ним, и не с ним, словно в какой-то сказке. Еще месяц назад где-то далеко-далеко, в голых и острых, как бритва, горах Афганистана, он слышал, как рвутся мины и стрекочут автоматные очереди, гибнут ребята, и черные тюльпаны везут груз 200 на родину к безутешным родителям, а сейчас вот он снова сидит в тихом кафе на тенистой улочке своего до боли родного городка, который за все это время совсем не изменился, и строит планы на будущее. Просто сон...

– Ты получил мое письмо? – неожиданно сменил тему Шаман.

– Получил.

– Ну?

– Ты все это серьезно?

– Серьезнее некуда, – подтвердил Шаман и замер, напряженно ожидая, что скажет друг.

Саня помолчал какое-то время. Шаман не торопил с ответом.

– Знаешь, – наконец проговорил Чиф, – все как-то странно. И верится, и не верится одновременно. Неужели это возможно?

– Сам не знаю, – сказал Шаман. – У меня такие же чувства. Временами я начинаю думать, уж не сбрендил ли я...

Он неловко ухмыльнулся, пытаясь превратить последнее высказывание в шутку. Но получилось не очень. Шутка опять не удалась. Чиф был настроен на основательную беседу.

– Что делать собираешься? – спросил он.

– Я еще не решил.

– У меня есть две недели отпуска. Так что я в твоём распоряжении. Можешь смело рассчитывать на меня. Помнишь, я ведь тоже хотел научиться проходить сквозь стены, – припомнил Чиф собственную фразочку из их давнишнего детского разговора.

Шаман посмотрел на друга и сразу понял, он хоть и говорит шутивым тоном, но имеет вполне серьёзные намерения.

– Брат, я правда не знаю, что делать, – Шаман положил свою ладонь на руку Чифа и крепко сжал её.

– Надо все проверить на месте, – сказал Чиф.

– Как? Отправиться в Тибет? С ума сошел, – Шаман даже расстроился.

– А что такого? Подумаешь, Тибет... Ты ведь уже один раз был там. Кстати, как тебе это удалось? У нас ведь с Китаем вроде не того...

– Я тебе уже писал о пространственно-временном скачке... Сам не знаю, как это происходит – я пока еще не разобрался, – но в той реальности попасть в Китай не представляло никакого труда. Я там был в составе геологической экспедиции от ИМГРЭ.

– Что за ИМГРЭ?

– Институт минералогии и геологии редких элементов.

– А-а-а...

– Теперь в Китай не попасть никак. Увы.

– Ничё. Я тебе помогу, – обнадежил Чиф. – Может быть, скоро у меня появятся такие возможности.

– Ты это о чем?

– Пока не могу говорить, – неловко заерзал Чиф, сообразив, что почти проболтался о своём новом назначении. – Короче, есть люди, которые могут все устроить, если заинтересуются. Потерпи.

– Фигня все это, – не поверил Шаман. – За две недели все равно не управимся. Тут не меньше месяца надо, а то и двух, даже если сможем до Китая беспрепятственно добраться. Опять же бабки нужны.

– Бабки – не проблема, – хвастливо заявил Чиф, хлопнув себя по карману. – Наберется мало-мало для старта.

Шаман смерил Чифа взглядом и понял, что в том говорит скорее юношеский задор, нежели точный расчет. Да и какого расчета можно было ожидать от вождя краснокожих?

– Лан, забей, – сказал Шаман. – Есть и другие соображения. У меня в детстве что-то похожее уже было однажды. Кстати, как раз в нашей норе... Только длилось всего секунду, и световой шар был маленький, сантиметров двадцать в диаметре, не больше.

– В норе? – удивился Чиф.

– Да.

– И ты мне ничего не сказал? – Чиф был уязвлен и обескуражен, ему-то казалось, что у них нет тайн друг от друга.

– Не парься, – примирительно сказал Шаман. – Я тогда сам не был уверен, что это случилось не во сне. Кстати, я и про Белого тоже пока ни в чем не уверен. У меня от этого уже весь мозг наизнанку.

– Ну, и причем здесь нора? – не понял Чиф. – Где нора, и где Шамбала... Что ты этим хочешь сказать?

– Думаю, что Белое братство может посылать знаки, – Шаман, наконец, почувствовал, что окончательно сформулировал идею, которая давно уже бродила и прорастала в его голове, и даже сам удивился простоте и изяществу этой мысли. – Что-то вроде дорожных указателей или подсказок.

– Как наши шифровки?

– Именно.

– Значит надо искать эти знаки, – обрадовался Чиф. – Начать можно прямо с норы.

– Я там уже был сегодня утром, – сказал Шаман. – Эффект нулевой.

– Попробуй еще раз, – настаивал Чиф. – Других зацепок у нас все равно нет.

– Бесполезно, – рассуждал вслух Шаман. – Если я прав, то ситуация все время развивается. Тогда этот знак был дан, чтобы направить мое внимание в сторону Шамбалы. Больше он не появится. Незачем. Надо искать новые знаки и новые подсказки, чтобы двигаться вперед.

– Ну-у-у... Так можно полжизни искать и ничего не найти, – огорчился Чиф. – Мой череп сейчас вспотеет изнутри. Ты хоть представляешь, в каком направлении копать?

Шаман не ответил. Он попытался еще раз во всех деталях припомнить разговор с Белым. Смутное ощущение, что решение этой непростой задачки кроется в словах хозяина дворца и раньше не оставляло его ни на минуту, а сейчас он был просто уверен в этом.

– Ну конечно! – он хлопнул себя ладонью по лбу, да так сильно, что сидевший рядом Чиф вздрогнул от удивления. – Белый сказал, что мы, типа, отражения друг друга. Значит, следующая подсказка может скрываться во мне. Надо только правильно сформулировать вопрос и услышать его ответ.

– Гениально! – вскричал Чиф в восхищении. – Только я вот ничего не понял...

Шаман сидел, словно кипятком ошпаренный, и ощущал легкую дрожь во всем теле от предвкушения близости разгадки. Так вот почему образ Белого показался ему знакомым – они не просто отражения друг друга, они на самом деле одно целое. Белый – это и есть сам Шаман, только в какой-то чужой, неведомой и непостижимой ипостаси. «Ну да, он ведь так и сказал: ты – это я, я – это ты... Эх, мне бы тогда сообразить. Кажется, дело начинает проясняться», – Шаман понял, что только что получил еще один знак. Теперь нужно будет хорошенько покопаться в себе и припомнить все, что происходило непосредственно до его встречи с Белым. А что-то там точно происходило. Ведь Белый откликнулся и открыл портал, остававшийся долгое время невидимым для всех остальных, кто посещал пещеру. Там ведь такие толпы бродили... Но на что он среагировал? Что заставило его открыть врата в царство света? Все обстоятельства, необходимые для встречи, стеклись тогда в одно время в одном единственно правильном месте. Пещера? Костер? Конкретный час? Значит, все-таки Тибет. Снова шаг за шагом пройти весь путь долгих медитативных сидений у костра в гроте и наладить связь с Белым. А вдруг повезет, и дверь в Шамбалу еще раз откроется. А если не откроется, то пещера поможет найти новые знаки, как сегодня это сделала давно уже не существующая нора. Вот и ответ. Шаман почувствовал, что абсолютно и бесспорно уверен в этом.

– Так, Чиф, ты прав, – в голосе Димы зазвучали нотки уверенности. – Нам надо попасть в Тибет. Подключай свои возможности.

– Э-э-э... Мне нужно с людьми переговорить, – обтекаемо ответил Чиф. – Через пару недель, как только отпуск кончится.

– Заметано. Ждали столько лет, подождем еще несколько дней, – подытожил Шаман, и вдруг встрепенулся. – А как же твоя десантура? Кто ж тебя отпустит?

– Во, бляха-муха... А я и не подумал. Ну, да ничего. Что-нибудь придумаем, – подмигнул Чиф, бодрясь и улыбаясь. – Где наша не пропадала. Кстати, я теперь буду служить уже в Союзе. Афган для меня все, финита.

– Круто, ничего не скажешь.

Дальше пили кофе молча. Шаману нужно было собраться с мыслями, а Чиф не хотел его тревожить. Он хорошо знал, что вот такой легкий медитативный ступор у его друга обычно заканчивается фонтаном свежих идей. И ему нравилось это предощущение. Вообще, все складывалось просто замечательно, вот только пока было неясно, как подкатить к Олегу Самохвалову, чтобы тот помог с поездкой в Китай. Неужели и вправду придется еще целый год ждать, пока служба не закончится? А может все-таки подвернется подходящий момент?

* * *

А в это же самое время в здании КГБ на площади Дзержинского в Москве, проходило закрытое совещание по делу «Шамбала».

– Товарищ генерал государственной безопасности 2 ранга, агент Чиф завербован и уже приступил к выполнению задания, – докладывал майор Станкевич.

– Он посвящен в детали операции, Олег Сергеевич? – поинтересовался генерал.

– Никак нет. Он вообще ни во что не посвящен. Дело идет самотеком, под воздействием силы тяжести, так сказать, – майор позволил себе немного улыбнуться.

– Это хорошо, – сдержанно похвалил его шеф. – Вы сработали как всегда безукоризненно и профессионально. Чем меньше неопытный агент знает, тем лучше – будет естественнее выглядеть, да и к тому же убедительнее. А что объект?

– Думаю, Шаман покажет нам вход в Шамбалу, в этом я практически не сомневаюсь. Вопрос только, нужно ли его вербовать, или нет. Так он все сделает по собственной инициативе, но это может быть нескоро и не очень эффективно, а начнем обрабатывать, можем спугнуть, уж больно он скользкий тип, – Станкевич пока не имел готового варианта и решил посоветоваться с руководством.

– Судя по докладам наружки, он вполне нормальный парень, только умник и шустрый слишком, – генерал недовольно крякнул. – Почитай его дело, что он в школе вытворял.

Станкевич едва заметно хмыкнул. История про лотерейные билеты уже успела стать широко известной в узких кругах чекистов.

– Не нравится мне, что мы ищем иголку в стоге сена, – продолжал генерал. – В письме нет никаких подробностей: ни точного места, ни времени, ни одной фамилии, черт возьми. Какой-то конспиратор доморощенный. Знать бы хоть приблизительный район поисков, смогли бы и сами справиться.

– Я полагаю, Викентий Михайлович, район ничего не даст. Мы можем быть в двух шагах от входа, но так и не увидим его. В легендах о Шамбале ясно говорится, только чистые духом могут туда попасть.

Генерал пристально посмотрел на Станкевича поверх очков. Этот уничтожающий и леденящий кровь взгляд он тренировал годами, перебираясь по службе из одного кабинета в другой, всякий раз более высокий и респектабельный, отделанный дубовыми панелями в скромном, но подкупающе основательном стиле партай-дизайна. Благо учителя были хорошие – генерал помнил еще довоенные совещания у самого наркома внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берии, на которых ему два раза довелось побывать, несмотря на его тогдашнее юношеское звание лейтенанта госбезопасности.

– Не смешите меня, Олег Сергеевич. Хотите сказать, что, Шаман чист духом? – в голосе шефа зазвучали нотки иронии вперемежку с негодованием. – Если этот хитрожопый студентшко смог справиться, то и вы справитесь! Мне нужны запасные варианты на случай, если Шаман выкинет сюрприз. И потом, этот пространственно-временной скачок... Что это такое? Что за другая реальность? Поработайте с учеными. Подумайте, что с этим делать.

– Тут есть одна зацепка, – ответил майор, Шаман в начале июня обращался за информацией в ИМГРЭ, наводил справки. К тому же у него был странный разговор с однокурсником. Вероятно, в параллельной реальности он побывал в Тибете в составе экспедиции института.

– Ну вот, – одобритительно сказал Викентий Михайлович, – Берите в разработку специалистов института. Пусть укажут с точки зрения науки наиболее вероятные места стоянок геологической партии. И не забывайте про Чифа. Через несколько дней он выйдет на связь. Постарайтесь через него аккуратно выяснить более точное место поисков. Потом сопоставим данные.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – ответил Станкевич. – Однако считаю необходимым прежде дополнительно поработать с Чифом. Не хочется испортить наживку.

– Ладно, посмотрим еще немного, – одобрил шеф. – Не будем торопить события. Действуйте по обстоятельствам. И готовьте легенду. Скоро нужно будет отправлять парней в Китай, с которым у нас не очень. Сами понимаете.

– А поддержка? – поинтересовался майор.

– Одни поедут, – сказал генерал. – Чиф справится, Афган за плечами. А Шаману я пока не доверяю, почувствует опекунов, закроется и уйдет в несознанку. Клещами потом эту Шамбалу из него не вытянешь. Но время еще есть. Будем думать.

– Есть думать, – ответил Станкевич.

– И, кстати, помните, не одни мы Шамбалу ищем, – Викентий Михайлович скосил глаз в сторону западного полушария на политической карте мира, висевшей на стене его кабинета по правую руку.

Олег Сергеевич понимающе кивнул.

Глава 7. План

Первые дни каникул пролетели незаметно. Все это время друзья почти не расставались. Им было о чем поговорить, тем более что смутное ощущение необычайной важности миссии, которую приготовила им судьба, подогревало их любопытство и делало мысли более выпуклыми, острыми и смелыми. Жажда подвигов кипела в крови. Душевный адреналин начинал помаленьку зашкаливать.

Шаман в сотый раз воспроизводил в уме ситуацию встречи с Белым и все события, которые этому предшествовали. Он пытался вычислить, какие детали были существенными и решающими, а какие нет. Его не покидало чувство близости к разгадке тайны, казалось, что вот только руку протяни и возьми. Но в то же время бессилие злило. Ну что они там, в самом деле, специально издеваются, что ли? Неужели нельзя дать более ясные подсказки? Юноше думалось, что какие-то силы нарочно удерживают его на расстоянии. Ощущение беспомощности и некой богооставленности огорчало, угнетало и одновременно пугало. Он представлял себя бедным маленьким сиротой, всеми брошенным и покинутым, который стоит и плачет, и никому нет до него никакого дела. Вот такие картинки порой рисовало его воображение, и это было больно.

А между тем близилось время проникновения Шамана в Шамбалу в той, прошлой реальности. Когда же это было? Где-то 12 августа. Да, точно, 12 августа. То есть, в нынешней жизни – примерно через месяц, чуть больше. А ну как конкретная дата имеет значение? От этой догадки у Шамана все замерло внутри, и мурашки побежали по спине. Он поспешил поделиться открытием с Чифом.

Дело было у Шамана дома. Они с другом сидели в гостиной, развалившись в стареньких, но очень удобных креслах, и разговаривали.

– Ух ты! – громко выдохнул Чиф. – Ничего себе.

– Я и говорю, – голос Шамана зазвучал заговорщически.

– Эх, добраться бы до двенадцатого в эту твою пещеру, – мечтательно произнес Чиф. –

Может опять получилось бы...

– Хорошо бы.

– Слушай, Шаман, – Чиф вдруг встрепенулся, – А когда ты увидел белый шар в норе?

Ну, то есть, какого числа?

Дима задумался на мгновение:

– Точно не помню. Где-то в апреле.

– Нет, в апреле не канает, вот кабы в августе, – Чиф мечтательно почесал подбородок. –

А сможешь вспомнить, днем это было или вечером?

– Вроде днем.

– А в Тибете?

– В Тибете ночью...

– Может ты ошибся, и время вообще не играет никакой роли? – спросил Чиф с недоверием. – Ты уверен, что все правильно понял?

– Я вообще пока ни в чем не уверен, – ответил Шаман отрешенно.

Чиф продолжал рассуждать вслух:

– Может пещера имеет значение? Ведь нора – это тоже своего рода пещера.

– Замкнутое пространство? – взгляд Шамана на секунду загорелся искоркой надежды.

– Ну да, дырка в земле. Может могила?

– А ну тебя – могила. Скажешь тоже.

Дима напряг извилины. Делать глобальные выводы всего по двум случаям было рискованно, любой специалист в области статистики засмеял бы. Но искать все равно надо.

– Да я в детстве и не был ни в какой Шамбале, – после минутной паузы проговорил Шаман с нотками явного огорчения, от того, что его стройная теория, едва родившись, начала разваливаться. – Только шар увидел, да рукой прикоснулся.

– А после норы у тебя не было никаких странностей? – не унимался Чиф. – Ну, там, скачков во времени, видений или чего-то вроде этого...

Шаман снова задумался.

– Точно не могу сказать. Тогда много всего странного происходило, помнишь, сколько шуму было по поводу долларов? Да и к тому же испугался я... – сказал он, сиюсья вспомнить.

– Ну, в школе, дома, во дворе... – Саня наступал.

Ай да Чиф! Несмотря на кажущуюся простоту, умеет он все-таки проникать в самую суть темы и задавать важные фишки для поворота мысли.

– Точно! – Шаман казалось, весь сжался, как пружина. – Контрольная по алгебре.

– Так, так, так, – Чиф приободрился. – Давай, раскручивай.

– На следующий день была контрольная по алгебре, точно такая же, как и на прошлом уроке, – у Шамана даже дух перехватило от ощущения близости удачи. – Я еще тогда подумал, зачем устраивать две контрольные подряд с одними и теми же задачками... Дежавю, блин.

– Что это? – не понял Чиф.

– Это когда тебе кажется, что какие-то события уже происходили, – пояснил Шаман, – или ты чувствуешь, что уже бывал в подобной ситуации. Все как будто повторяется. Необъяснимый феномен в психике.

– А раньше у тебя случалась такая дежавю? – продолжал Чиф.

– Случалась ли у меня дежавю? – рассмеялся Шаман. – Вообще-то дежавю, по-моему, среднего рода.

– Уверен?

– Не совсем.

– Блин, не важно, – отмахнулся Чиф, – Говори по существу.

– Так сразу и не скажешь, – Шаман мучительно пытался вызвать в памяти события из своего раннего детства. – Дежавю, наверное, не было. А вот странный случай один припоминаю: словно это происходило и со мной, и не со мной.

– Давай, давай, – подбодрил Чиф, – вспоминай уже.

– Это, вроде как я со стороны за собой наблюдал, и не понимал, что делаю, – Шаман воодушевился. – Помню как-то в пятом классе на уроке математики у Галины Ивановны... Она тогда задачку сложную задала, а я, не зная ответа, вдруг начал руку тянуть. Зачем, не ясно. Ну, меня естественно вызвали, а я, сам не понимая, что говорю, взял, да все решение правильно и рассказал, даже пятерку получил. И было такое ощущение, что будто это я говорю, но на самом деле вроде и не я, а кто-то другой, а я только губами шевелю, да еще и наблюдаю за всем этим как бы со стороны.

– Эй, братишка, ты вообще здоров? – пошутил Чиф, помахав рукой перед лицом товарища, как это делают врачи, желая убедиться, что пациент в себе.

– Да ну тебя, – возмутился Шаман. – Сам же просил припомнить.

– Лан, не сердись, – примирительно сказал Чиф. – Скажи-ка лучше, как это к делу пришить?

– Не знаю. Но я тогда сильно обалдел, – студент почувствовал легкую испарину. – Ух... Я и сейчас под впечатлением, стоило только вспомнить...

В эту минуту в прихожей зазвонил телефон.

– Погодь, я мигом, – сказал Шаман, вытирая ладонью лоб, и пошел снять трубку. – Слушаю вас.

* * *

– Здравствуй, Дмитрий Кляйн по прозвищу Шаман, – послышался знакомый низкий голос на другом конце провода.

– Белый? – удивился я. – То есть, это... Извините. Это вы? Мы что, можем вот так по телефону общаться?

В трубке послышался смех, впрочем, вполне дружелюбный. Так что мне даже совсем не стало обидно, наоборот, я испытал облегчение. Ведь сейчас, по всей видимости, многое выяснится. Неспроста же Белый позвонил.

– Ты слишком много размышляешь, брат, – сказал Белый. – Не надо думать о том, чего ты не в состоянии понять, голову сломаешь. Просто живи и слушай.

– Я слушаю, – на секунду мне вдруг показалось, что на самом деле Белый вообще не понимает моих проблем, или просто не хочет их понять.

– Не перебивай, – мягко, но решительно сказал Белый. – Ты собрался на Тибет. Это ничего не даст. Но тебе все же стоит туда снова отправиться, иначе многие вещи будет трудно прояснить. Знай только, за тобой следит много лишних глаз. Будь очень осторожен. Чиф хороший мальчик. Он сейчас в сложной ситуации, но в самый ответственный момент ты можешь ему доверять. Он на нашей стороне. Поверь мне.

– Не возьму в толк, – сказал я, не переставая удивляться. – Что все это значит? Разъясните.

– Скоро ты сам все поймешь, – продолжал Белый. – Не думай о пустяках. Думай о главном.

– Объясните, хотя бы, что это за скачок во времени, – мне стало до слез обидно, что Белый гнет какую-то свою линию, совсем не обращая внимания на мои вопросы.

– Нет никакого скачка во времени, как нет и самого времени! Ты лишь получил то, чего сам хотел, взлелеяв это в самых тайных уголках своей души, и мир подстроился, – ответил Белый, словно почувствовав мое настроение. – Не думай о прошлом, не думай и о будущем. Не позволяй им овладеть всеми твоими мыслями. Сконцентрируйся лишь на том, что происходит прямо сейчас, и понимание придет. Да, и давай уже на ты... Мы ведь все-таки одно целое. Мне даже как-то неловко. Как это ты там меня называешь? Белый? Ну что ж, забавно, мне нравится.

В трубке опять послышался открытый незлобивый смех.

– Значит, в Тибет ехать бесполезно? – спросил я.

– Я этого не говорил, – ответил Белый. – Не думай о том, что будет. Думай о том, что есть.

– Вы говорите... То есть, ты говоришь загадками...

– Нет никаких загадок, просто тебе так кажется, потому что ты пока еще находишься в плену своих мыслей. Они руководят тобой, а не ты ими. Когда ты говоришь о поездке на Тибет, о чем ты думаешь? Перед твоим внутренним взором встают картинки будущего, каким оно тебе представляется. Ты видишь каменистую дорогу в горах, по которой ты устало бредешь в поисках ночлега. Тебе чудится шумная стремительная река, несущая свои ледяные воды вниз в долину, или голые скалы, отдающие в прохладный ночной воздух накопившееся за день тепло солнца. Или тебе представляется пещера, где ты будешь снова медитировать у костра, и двери в Шамбалу опять откроются, и почему-то это случится непременно 12 августа. Ты думаешь, в будущем все это произойдет? Ошибаешься, брат, все будет совсем по-другому. Поэтому не трать попусту силы, старайся жить в настоящем. Тренируйся. И поверь мне, уж я-то первым узнаю, когда ты будешь готов к серьезному разговору.

– А кто за мной следит? – не унимался я.

– В нужный момент узнаешь, – проговорил Белый. – Настоящих врагов у тебя нет, но есть люди, которым в их слепых себялюбивых желаниях кажется, что они могут управлять

миром. Не бойся их, они не смогут повредить тебе, но и не будь слишком доверчивым. Не давай никому распоряжаться собой как средством для достижения чужих целей. Живи своей жизнью. Ведь это и моя жизнь.

– А Чиф?

– Что Чиф?

– Ты сказал, что он в сложной ситуации. Так?

– Ну да... Чиф верный и преданный друг, однако, пока он ошибочно думает, что помогает тебе, хотя на самом деле выполняет чужую волю. Но все будет хорошо. Главное, будь настороже. И никогда не позволяй мечтам оторвать тебя от реальности. Бдительность и готовность ко всему – вот твой девиз на ближайшие месяцы и годы.

Зерна подозрений, которые Белый заронил в моей душе, зашевелились, проклюнулись и начали стремительно прорастать:

– Он не предатель?

– Нет, конечно. Он великий воин, хотя сам пока не догадывается об этом, – Белый сделал небольшую паузу и грустно вздохнул. – Ты меня не слушаешь, и всякий раз задаешь малозначительные вопросы. Не ищи истину на стороне, и не заикливайся на своих мыслях. Самое важное для тебя находится в тебе, в нас обоих... И это главное. Ты должен научиться выходить за пределы своего неугомонного и суетного мышления. Сконцентрируйся пока на этом. Не ищи себя в своем разуме, который постоянно требует от тебя кипучей, но бессмысленной деятельности! Ищи путь ко мне. Осознанно сделай меня своим руководителем и во всех жизненных ситуациях старайся услышать мой голос. Ты можешь быть моим проводником в своем мире, но у тебя нет мудрости, которую ты никогда не обретешь, если не откажешься от своего ограниченного интеллекта. Только я могу показать тебе, что нужно делать и как поступить правильно, ибо я – твое высшее Я, истинное Эго. Твоя мудрость лежит во мне...

– Интуиция?

– Называй, как хочешь, – улыбнулся Белый. – Сути это не меняет. Отождествляясь с разумом, который из пустоты создает твое примитивное ложное эго, ты теряешь связь со мной, твоим истинным Я, живущим повсюду и полностью пронизывающим мир людей и все остальные миры. Отождествляясь со мной, не сооружай непреступную стену между нами, и все встанет на свои места. Будь самим собой, ибо быть в ладу со своим высшим Я, выполнять свое предназначение и тем самым обрести истинное счастье – это и есть Шамбала, которую люди ищут, но руководимые своим ущербным недомышлением и себялюбивыми корыстными интересами, никогда не смогут найти, поскольку полностью приравнивают себя к своему разуму и не могут вырваться из этого порочного круга.

– Тогда, на уроке Галины Ивановны, это был ты? – я буквально замер от охватившего меня предчувствия.

– Да, я... Но что это тебе дает? – поинтересовался Белый. – В действительности мы всегда вместе. И мы так сильно связаны, что никто не в состоянии нас разъединить, кроме тебя самого. Это единственное, что ты пока должен знать. В тот день я и не думал спасти тебя от позора перед классом, я просто появился в нужный момент. Ты сам тогда достучался до меня и приоткрыл калитку, за которой находится путь ко мне, и я намекнул тебе о своем существовании. Ищи этот путь. Сделай это своей задачей. А Шамбала... Шамбала, в том виде, в котором ты ее себе представляешь, вообще не имеет никакого смысла. Забудь о ней.

– А у Чифа есть высшее Эго? – мне было любопытно, как все это устроено.

– Разумеется, и более того, мы с ним очень хорошие и старые друзья, – Белый снова рассмеялся, но голос его стал немного глуше. – Думай о главном, Дмитрий Кляйн по прозвищу Шаман. Думай о нашей связи...

– Белый! – я вдруг понял, что наша беседа подошла к концу. – Когда мы снова увидимся?

– Это зависит только от тебя. Место и время не важны. Значение имеет только твоя готовность. И помни, что я говорил в прошлый раз. Помощь рядом. Тебя найдут.

В динамике послышались короткие гудки отбоя. Разговор был окончен. Я медленно положил трубку на рычаги аппарата, располагавшегося на зеркальном трюмо в узкой и темной прихожей, и какое-то время стоял неподвижно. Как и в прошлый раз, я ощутил на груди прохладное прикосновение медальона с изображением райской птицы. Мне было легко и хорошо. Удивительная пустота, если можно так выразиться, переполняла меня и распространялась вокруг. Но она не пугала и не создавала неприятных ощущений, или каких-либо неудобств. Я застыл, словно оцепеневший, и молча глядел на себя в зеркало, не думая ни о чем. Это напомнило мне то состояние, которое я испытывал тогда, в тибетской пещере неподалеку от Ринбунга: полное безмыслие и сладостный целительный покой. Может это и есть то истинное счастье, которое Белый только что назвал просто жизнью в настоящем? И тут я вдруг заметил, как первая посторонняя мысль потихоньку подкралась ко мне. Это была мысль о моей исключительности.

Я буквально увидел, как она юркой серебристой змейкой вынырнула откуда-то из пустоты небытия, и сосредоточился на ней, пытаясь как следует разглядеть ее как бы со стороны. Она была прекрасна, и представлялась мне удивительным живым существом, но все же не мной, то есть некой дивной, но посторонней сущностью, не имеющей ко мне ни малейшего отношения. Я залюбовался ею, и мне даже показалось, что я слышу какие-то звуки: то ли слова, то ли мелодичный перезвон валдайских колокольчиков. Это доставило мне легкое удовольствие, которое, к сожалению, длилось недолго – всего пару секунд. Мысль-змейка вошла в меня и слилась со мной. Мы срослись и сроднились. О да, я исключительный! Таких как я нет во всем свете.

А затем целый рой мыслей с оглушающим грохотом влетел в мою голову, и я ощутил привычный гул разных идей, догадок, предположений и соображений, которые зашумели и застрекотали наперебой, мешая друг другу, и мгновенно принялись рвать и кромсать меня на части.

* * *

С чувством болезненного дискомфорта от пробуждения собственного рассудочного мышления Шаман поплелся в гостиную, где его ожидал приятель.

– У тебя что там, забор? – зевнув поинтересовался Чиф с нарочитым томлением.

Шаман удивленно посмотрел на друга, вальяжно раскинувшегося в уютном отцовском кресле, и спросил:

– С чего ты взял?

– Ну, а куда ты ходил?

– Телефон звонил.

– Когда? – удивился Чиф.

– Да вот только что, – сказал Шаман. – Я по телефону разговаривал.

– Да ну... Я и не слышал, – пожал плечами Чиф, – думал, ты на толчок торопишься.

Шаман уже начинал привыкать к чудесам. Он еще раз взглянул на товарища, и, помня, о чем только что говорил Белый, постарался перевести разговор на другую тему. Его теперь очень интересовали те таинственные враги, о которых упоминалось в беседе, но напрямую действовать было нельзя.

– Не бери в голову, – сказал он другу. – Скажи лучше, какие у тебя есть идеи по поводу поездки.

– Да нет никаких идей.

– Ты вроде говорил, что твой отпуск скоро заканчивается, и ты будешь дослуживать в Союзе, – продолжил Шаман.

– Ну.

– Как же ты тогда собираешься отправиться со мной в Тибет? Или это только треп, – он проговорил это с наигранной легкой горечью. – Что, неужели целый год еще ждать?

– Ну, не знаю, – забеспокоился Чиф, – Как получится. Может мне удастся кое-кого убедить в важности нашей поездки, и мне разрешат.

– Что разрешат? – не прекращал напора Шаман. – Прекратить службу в армии? Это что же у тебя за друзья такие могущественные появились? А ну, колись!

– Да нормальные друзья, – вяло отбивался Чиф. – Я, в общем, точно не знаю. Но, вроде, так, влиятельные...

– Гэбисты? – открытым текстом, наконец, спросил Шаман.

– Ну, да, вроде... – промямлил Чиф, понимая, что перед давлением друга ему не устоять.

– Что им известно о Шамбале? Говори, или мы вас расстреляем, – грозно продекламировал Шаман, театрально картавя, как Павел Кадочников в фильме «Подвиг разведчика», и тут же заразительно рассмеялся.

У Чифа отлегло. Честно говоря, он не на шутку перепугался. Его сразил тот уверенный напор, с которым Шаман бац, и вывел все на чистую воду. И как он только догадался? Непостижимо. Да еще так быстро... Напугало Чифа и то, что несмотря на условия строжайшей секретности, которые вменял ему капитан Самохвалов, он все-таки взял и вот так легко и глупо разболтал товарищу великую военную тайну Маниту – грозного и ужасного бога всех индейцев и чекистов – с потрохами. Но веселый смех друга успокоил его. Чиф понял, что никто не будет терзать его и корить, да и вообще со временем неловкую ситуацию можно будет как-нибудь замять и спустить на тормозах.

– А что, и вправду гэбисты? – повторил сквозь смех Шаман.

– Правда, – подтвердил Чиф. – Но про Шамбалу разговоров не было. Остальное – секрет. Я даже не знаю, какое они собираются дать мне задание. Так что, хоть режь меня, хоть пытай, ничего не скажу.

«Да ты и так уже сказал достаточно, брат», – подумал Шаман, продолжая нарочито громко смеяться.

– Значит, ты сам собираешься слить им все про Шамбалу, – сказал он вслух. – Не боишься? Там ребята ушлые сидят.

– Да ты чего, братишка, – Чиф даже обиделся. – Я ж говорю, ни слова не было о Шамбале.

– Хорошо, – согласился Шаман, – давай подумаем, как их использовать. И это, как его... Будь поосторожнее, вдруг нас уже пасут...

Теперь Шаман был на все сто процентов уверен, что КГБ хочет с его помощью найти путь в Шамбалу. Да и Белый это косвенно подтвердил. Значит, скорее всего, за ними уже следят. Где-то Чиф лоханулся и сболтнул кому не надо про мои тибетские приключения. А может и не сболтнул. Что тогда? Стоп! Письмо...

«Блин, как же я раньше не догадался, – с горечью подумал Шаман. – Ну, конечно же, они вскрыли мое письмо, и теперь им известно все, кроме точного местоположения пещеры».

От этой мысли сразу стало как-то грустно и противно на душе. Неприятно было осознавать себя пешкой в чужой игре. Намеки и советы Белого стали приобретать особый смысл.

«Но почему пешкой? – продолжал размышлять Шаман. – Они ведь не знают, что я все знаю. Значит, этим можно воспользоваться, и тогда это уже будет наша игра. Короче, надо продумать комбинацию, лишь бы Чиф не подвел».

С этими мыслями Шаман снова посмотрел на друга. Тот сидел в некоторой бесхитростной растерянности и улыбался своей обычной открытой дружеской улыбкой.

«Нет, Белый прав! Чиф не предатель. Его попросту используют. Надеюсь, мой телефон еще не прослушивают. Хотя... Судя по реакции Чифа, этого звонка вообще не было. То есть

он, конечно, был, но в каком-то совершенно другом измерении. Вряд ли у них есть такая аппаратура, которая может ловить потустороннее. В любом случае, теперь нужно быть начеку».

– Так, Чиф, – сказал Шаман вслух решительным голосом. – Сделаем вот что. Ты им не говори, что я про них знаю. Если Шамбала их заинтересует, то они наверняка захотят, чтобы я показал им место, откуда туда можно проникнуть. Значит, как я понимаю, они в лепешку разобьются, чтобы нас туда доставить, и поверь мне, они обязательно сделают это, да еще и так хитро, чтобы я об этом как бы не догадывался. Понимаешь?

– Угу, – Чиф кивнул.

– Вот, – продолжил Шаман, понизив голос. – Будем действовать по их сценарию, а потом в нужный момент сбежим из-под колпака. Это уже задание для тебя. Придумай, как все подготовить, чтоб комар носу не подточил. И опаньки, Шамбала наша! А твои друзья в дураках.

– Клево, – согласился Чиф. – Думаешь, нам удастся от них скрыться?

– Думаю да, – уверил его Шаман. – Китай большой, а белый свет еще больше... Да и потом, не забывай, как только мы туда попадем, весь мир изменится. Ищи тогда ветра в поле...

– Лишь бы только заинтересовались, – заговорщически произнес Чиф.

– Ничего, – с твердой решимостью произнес Шаман. – Обязательно заинтересуются, уверяю тебя. Ты только дави на время. Типа 12 августа – последний срок. Пусть поменжуются. Резвее будут.

– Эх, говорила же мне мама, не играй со спичками, электричеством и Комитетом госбезопасности, – подытожил Чиф, и друзья снова радостно засмеялись.

Глава 8. Задание

До времени открытия портала в Шамбалу, которое друзья решили подсунуть конторе в качестве затравки, оставалось чуть меньше месяца. Отгуляв положенный отпуск, Чиф прибыл в Москву и сразу же вышел на связь с Олегом Сергеевичем.

Они встретились на лавочке в тенистом сквере на Тверском бульваре, неподалеку от здания ТАСС.

– Привет, Чиф, – сказал капитан Самохвалов, крепко пожимая руку молодому агенту, – Отдохнул?

– Да, спасибо, – ответил Чиф. – Все хорошо.

Олег бегло, но внимательно осмотрел новоиспеченного агента, пытаясь по маловыразительным нюансам прочесть мысли молодого человека:

– Готов к труду и обороне?

– Всегда готов! – отчеканил десантник, демонстрируя свою решимость и полную лояльность.

– Молодец, – подбодрил капитан. – Твои бумаги о переводе и новом назначении в Управлении. Давай военный билет. Оформим, как положено. И держи ксиву. Теперь ты полноправный дембель.

– А чего имя не изменили? – удивился Чиф, заглянув в паспорт.

– А ты что думал, шпион доморощенный, – рассмеялся Олег, – тебе сразу оперативные документы выдадут? Их, братец, еще заслужить надо. Для начала учиться пойдешь. Жить будешь в общежитии при Высшей школе КГБ. Надо тебя маленько поднатаскать.

Чиф загрустил. Он был явно разочарован – какая еще школа? К тому же он никак не мог сообразить, как ему лучше заговорить о Шамбале. С одной стороны, он понимал, что если прямо в лоб, с бухты-баряхты, то это будет слишком топорно. Можно все дело завалить. А с другой стороны, когда еще представится такая возможность? Вряд ли он, сержант КГБ, учась в ВКШ, сможет часто видеться с капитаном. А может быть это вообще их последняя встреча: передадут под крыло какому-нибудь куратору лейтюхе и все, приехали. Надо было действовать.

– Олег, а какое у меня все-таки будет задание? – спросил Чиф, выражая обеспокоенную заинтересованность.

– В бой рвешься? – лукаво ответил вопросом на вопрос капитан.

– Рвусь, – насупился Чиф. – А что нельзя?

– Можно и нужно, – рассмеялся Самохвалов. – Вот подучим тебя немного и через полгода – вперед с песнями.

– Через полгода, – с досадой протянул Чиф, – ты же говорил в Ташкенте, что сразу будет работа, и даже учиться не придется.

– Ну, мало ли, что я там говорил, – продолжал смеяться Олег. – Вот тебе первый урок, салага: никогда не верь всему, что говорит агент, особенно, если он при исполнении.

– Надул, значит, – обиделся новобранец. – А я-то думал...

– Что ты думал? – неожиданно серьезно заговорил капитан. – Год в десантных войсках в Афгане, и ты уже супермен?

– Ну, все-таки...

– Какие еще идеи бродили в твоей голове? – поинтересовался Олег. – Признавайся.

Чиф почувствовал, что сейчас можно попробовать пойти на штурм. Авось прорвемся.

– Да нет никаких особенных идей, – сказал он, стараясь выглядеть максимально непри-
нужденно, – Так, соображения...

«Давай, давай, Чиф! Атакуй», – с удовлетворением подумал майор Станкевич, чувствуя, что ловушка сработала.

– Друг у меня есть один, – продолжил Чиф как бы невзначай, – говорит, что нашел дорогу в Шамбалу. Слышал о таком?

– О Шамбале? Ну, чего-то слышал, – вяло ответил Олег. – И что?

– Хорошо бы проверить.

– Тебе-то это зачем? – не унимался капитан.

– Это врата в параллельный мир. Не знаешь, что ли?

– Да врет, небось, твой друг. Сказок начитался. Ты-то сам хоть не позорься перед приличными людьми.

Задетый за живое, Чиф зарделся:

– Правда, не врет. Он лично там был.

– Ну и где эта Шамбала? – нехотя поинтересовался Самохвалов.

– В Китае, – ответил десантник, – на Тибете.

– Ах, в Китае? На Тибете? Всего-то? – рассмеялся Олег. – А я-то, дурак, думал в Антарктиде, или на Луне... Короче, забудь. Выкинь всю эту фигню из головы.

– Правду говорю, – настаивал Чиф.

– От меня-то ты чего хочешь? – спросил капитан.

– Помоги ему снова попасть в Китай.

– Фу-х... – фыркнул Олег. – Как ты это себе представляешь?

– Не знаю, – пожал плечами Чиф, – но очень надо. Нам обязательно надо как-то оказаться на Тибете, чтобы все проверить, понимаешь, и уже наверняка знать, где спрятан вход в Шамбалу.

– Что значит нам? – удивился Самохвалов. – Хочешь не только от армии откосить, но еще и госбезопасность кинуть...

– Почему кинуть? – не унимался Чиф. – Пусть это будет мое задание. Я буду сопровождать его, следить за всем, ну и заодно охранять. Только подумай, как это может быть важно для страны.

– Урок второй: у нас агенты сами себе задания не выдумывают. Шагом марш учиться, и без лишних слов. Про Шамбалу, так и быть, потолкую с шефом, – ответил капитан, взглядом показав куда-то далеко вверх. – Будут новости, сообщу.

– Есть, учиться! – радостно воскликнул Чиф. – Только надо бы до 12 августа успеть. Друг мой говорит, что портал именно в этот день откроется, а когда следующее открытие неизвестно, да и кто знает, будет ли вообще следующее...

– Иди уже, – отмахнулся Самохвалов. – Разговор окончен. До скорого.

Саня Ровенский остался очень доволен собой. Ему казалось, что он весьма ловко провел первую беседу с капитаном. Теперь он точно знал, что тема запущена куда надо, и можно немного расслабиться, поджидая первых результатов. Лишь бы Самохвалов не проигнорировал наш разговор и все-таки доложил руководству о Шамбале. А дальше все пойдет, как по маслу. Дальше дело будет.

Чиф прикинул, что на раздумья гэбистам потребуется не меньше двух-трех дней, а то и недели. Значит, если через неделю ничего не произойдет, он повторит попытку. Последняя фраза, брошенная капитаном, убедила его в том, что они еще увидятся и не раз, ведь наверняка капитану потребуются подробности о путешествии Шамана в Шамбалу.

А майор госбезопасности Станкевич неспешной походкой направился в сторону Пушкинской площади. Он решил пройтись пешком по центру Москвы до здания КГБ. Эти полчаса ему нужны были для того, чтобы собраться с мыслями перед докладом у генерала. События разворачивались по плану. Завтра-послезавтра он вызовет Чифа на очередной разговор и более точно узнает место, куда предстоит произвести доставку группы, тем более, что уче-

ные геологи мало чем помогли. Они очертили весьма широкий регион от Нгари до Ньингчи и Нагчу. А это не давало почти ничего. С таким же успехом можно было все Тибетское нагорье назвать районом заброски.

Секретные документы и данные о работах, проведенных Аненербе, которые достались нашей службе безопасности в качестве военных трофеев после второй мировой войны, говорили о том, что Шамбалу следует искать в центральной части Тибета, возможно даже в направлении Непала или Бутана. Первое главное управление КГБ СССР располагало информацией об экспедиции Вильгельма Байера, офицера СС, который в свое время завербовал некоего индуса, упоминавшегося в документах под оперативным псевдонимом Раджа. Этот человек рассказал немцам о крохотной и загадочной долине Кулу, лежащей среди каменных громад на высоте около 4000 метров над уровнем моря. Там, по его словам, находился храм Шивы, который он сам называл лингам. Раджа поведал также и о таинственном подземном городе, расположенном в долине Кулу, вход в который закрыт от посторонних глаз великими магическими заклятиями. Но фашисты так и не нашли путь в Шамбалу. Не подпустила их к себе страна Белого братства.

Это место соответствовало и указаниям тайных тибетских книг, посвященных путешествиям в Шамбалу, которые утверждали, что чудесную страну нужно искать севернее местечка Бодай, штат Бихар в Индии, где по преданию Будда обрел просветление. Примерное расстояние до Калапы – мифической столицы Шамбалы, где восседали все древние цари, начиная с первого великого правителя Сучандры, оценивалось в 500 километров по прямой через хребты или же в 1500 километров, если двигаться горными тропами. Иными словами, искомый объект помещался внутри окружности радиусом 200-300 километров с центром в Шигадзе. В выделенную таким образом зону попадала также и столица Тибета Лхаса, где, как поговаривали, имелся древний тайный подземный ход в Калапу.

Это немного сужало круг поисков. Смущало только, что загадочная пирамида священной горы Кайлас – одного из вероятных порталов в Шамбалу – оставалась при этом далеко на западе. Да, нестыковки по-прежнему оставалось очень много, поэтому правильная раскрутка Шамана была жизненно необходима.

В принципе, для проведения операции все было подготовлено, да и время сейчас самое подходящее. Намечалось потепление отношений Советского Союза с Китайской Народной Республикой, и на дипломатическом уровне давно уже начались всевозможные телодвижения от прямых переговоров, суливших успехи в межгосударственных делах, вплоть до первых культурных обменов.

Шамана с Чифом предполагалось переправить в Китай в составе небольшой группы детей и родственников советских дипломатов, в программе пребывания которой были запланированы некоторые мероприятия в Пекине, а также посещение Лхасы. Дальше должна была состояться двухнедельная ознакомительная поездка послов мира и дружбы к великолепным высокогорным озерам Нагарзе, с экскурсией к знаменитому озеру Чжу Йонг Цу, имеющему форму сердца, и небольшой тур по исторической провинции Шигадзе. Таков был официальный маршрут делегации. Далее – импровизация по ситуации, поскольку для определения места пещеры вряд ли потребуется более нескольких часов.

Самым сложным во всем этом деле представлялась нейтрализация сотрудников китайского МГБ Чжунъюн Дяочабу, которые как всегда будут вежливо и бдительно сопровождать наших ребят повсюду. Здесь майор возлагал большие надежды на Чифа, который уже имел опыт работы в горах Афганистана. А ведь там, если хорошо не замаскируешься, можешь и пулю схлопотать. Основная задача молодого разведчика сводилась к незаметному исчезновению из поля зрения китайских спецслужб и такому же незаметному появлению, когда миссия будет выполнена.

Однако Олега насторожила последняя фраза, брошенная Чифом, касающаяся конкретной даты возможного проникновения в Шамбалу. Если и вправду есть какое-то точное время, когда открываются врата, то это поставило бы под угрозу всю операцию. А вдруг не успеют? Вдруг не смогут к положенному сроку вырваться из-под контроля китайцев?

12 августа совсем скоро... Надо еще раз все тщательно обдумать. Майор был почти уверен, что вход в Шамбалу открывается не один раз в году, но как вычислить график? В какие другие дни это может происходить. И почему именно 12 августа? Что там у нас, затмение, солнцестояние, парад планет? Что? Бляха-муха... Опять сплошные загадки.

И тут его вдруг осенило: Шаману известно гораздо больше, чем он показывает. Не исключено, что Чиф где-то проболтался, и Кляйн уже знает обо мне и всей нашей операции. Как минимум, догадывается. Возможно даже, он специально надоумил Чифа подбросить мне эту дату. Но зачем? Может быть, он пытается играть со мной? Ну что ж, поиграем. Тем интереснее будет работа.

Да, теперь майор Станкевич был уверен: использовать Шамана в темную опасно, особенно с той легендой, какая есть. Придется либо рискнуть, либо приоткрыть карты, либо полностью переработать легенду.

Слабая легенда! Получается, что вся задуманная комбинация, запусти он ее без изменений, может сработать только в том случае, если Шаман доверчивый лох или откровенный дурак. Нет, он не наивный простофиля и уж тем более не глупец. Даже простодушный Чиф не повелся бы на такую клюкву.

И если Кляйн действительно затеял свою собственную игру, тогда, даже обнаружив нестыковки, он будет нам подыгрывать. И мы об этом никогда не узнаем. Вероятность такого сценария довольно высока, но все же не больше 60-70 процентов. Гораздо более вероятным кажется, что при таких раскладах умница Шаман не поверит, что мы тут в КГБ такие простаки, и будет искать подвох. Скорее всего, он быстро узнает, что мы знаем, что он знает... И тогда, прощай Шамбала.

Если же он не ведет своей игры, то вероятность того, что он все с легкостью вычислит еще выше. Уж слишком он умен, зараза. С его способностями трудно не понять, какие силы пришли в движение, чтобы отправить его вместе с приятелем в, мягко говоря, не очень дружественный Китай да еще и в обществе дипломатических отпрысков. Ну, посудите сами, кто такой Шаман, и кто дипломаты... Разве поверит он, что попал в группу лишь по иронии судьбы? Не бывает в жизни таких совпадений. Шито белыми нитками. В таком случае придется парня частично посвятить в замысел, а этого как раз и не хотелось бы: юный диссидент может взбрыкнуть, и нам снова не видать Шамбалы, как своих ушей.

Ни к черту не годится легенда! Бред! Нужно придумать что-то более интересное, до парадоксального неожиданное, хитрое и универсальное. Пусть все выглядит, как цепь вполне закономерных событий. Только тогда он поверит. Значит, надо прижать Шамана, да так, чтобы у него другого выхода не было, кроме Шамбалы. Заодно пусть думает, что ему удалось сбежать из-под нашего контроля.

Не прерывая размышлений, майор Станкевич спустился по улице Горького до Столешникова переулка, свернул налево, а затем по Петровке направился к Кузнецкому мосту в сторону Большого театра и ЦУМа.

* * *

Через три дня Олег снова встретился с Чифом, но уже в здании высшей школы КГБ на Мичуринском проспекте. Говорили много и о разном, но в основном о программе интенсивной подготовки агентов.

На базе третьего факультета был организован спецкурс, где из низших служивых чинов как раз и пекли вот таких молодых и красивых оперативных работников контрразведки с уклоном в восточную тематику. Ясно было, что пять полноценных лет в ВКШ Чиф не протянет, слишком уж неусидчив и горяч, прямо копытом землю роет. По всему было видно, что боец этот скорее активный практик, нежели теоретик, так сказать, любитель поработать руками и ногами, а не головой. Таких как Чиф, было еще одиннадцать человек – все из армии, в основном десантники и морские пехотинцы, хотя был среди них и один спортсмен – пятиборец, затесался как-то.

О Шамбале – ни слова. Каждый ждал, кто прорвется первым.

Вскоре капитан Самохвалов засобирился. Разговор явно закруглялся. И тут Чиф не выдержал:

– Олег, – спросил он с надеждой, – ну что там по поводу поездки?

– Какой поездки? – удивился капитан.

– Мы же говорили тогда, на бульваре, – расстроился Чиф. – Мое задание на Тибете. Шамбала... Забыл?

– А, ты про это, – сообразил Олег и умолк, задумавшись о чем-то.

– Ну... – сгорая от нетерпения, поторопил Чиф.

– Повезло тебе, братишка, – сказал, наконец, капитан Самохвалов, улыбаясь, – Невероятно, конечно, но начальство нас не съело. В первых числах августа можем командировать тебя и этого, как его... Только мне нужно точно знать, куда вас засылать. Тебе хоть место известно?

– Шаман говорил, что это было где-то рядом со столицей, километров сто, может сто пятьдесят, точно не знаю.

– Шаман? – удивился Самохвалов.

– Это моего друга так зовут, – пояснил Чиф, – То есть, его зовут Дима Кляйн, а Шаман – это детское прозвище. Но все уже как-то привыкли.

– Ясно. Ты Вождь краснокожих, а он, значит, Шаман, – с легкой иронией проговорил капитан. – Любопытно. А что за столица? Пекин?

– Нет, – уточнил Чиф, – столица Тибета. Я забыл, как называется.

– Понятно, – сказал Олег. – Предупреди своего Шамана. Пусть будет готов к началу августа. Только аккуратно, без лишней экзальтации. Придумай что-нибудь правдоподобное. Незачем ему пока знать обо мне и наших делах. Где он вообще сейчас?

– Дома, наверное, – ответил Чиф. – Отдыхает. У него каникулы. Он студент Геофака МГУ.

– Какого фака? – сострил капитан.

– Геологического, – не понял шутки Чиф.

– Ну, пусть завязывает с отдыхом и мухой летит сюда, но не раньше, чем я скажу, – распорядился Самохвалов. – И запомни, ни слова о задании! Гражданские обычно как услышат про Комитет госбезопасности, сразу в кому впадают. Ясно? Я серьезно. Узнаю, что проболтался, уши оторву. Все, мне пора. Скоро увидимся. Через пару дней передам тебе инструкции, тогда и друга своего вызовешь.

– А школа?

– А что школа? – не понял Олег. – Потом доучишься, когда вернешься. Или ты уже передумал подвиги совершать?

Самохвалов рассмеялся и, не дожидаясь ответа, быстрыми шагами выскочил из здания ВКШ на улицу.

– Йес! – радостно вскричал Чиф, не веря собственному счастью.

Признаться, он не ждал такого быстрого и феерического успеха, и при других обстоятельствах, скорее всего, насторожился бы и заподозрил что-то неладное. Однако добряку Сане Ровенскому, неискушенному в делах мирового свинства, подсознательно не хотелось верить в

мировую конспирологию. Он был открытым, честным и бесхитростным парнем и совершенно справедливо требовал того же от всех остальных людей, окружавших его.

И все же чувство врожденной осторожности было ему присуще. Он смекнул, что не стоит раньше указанного Олегом времени связываться с Шаманом, чтобы не засветиться. Игра началась, на кону была Шамбала. Нераскрытая тайна манила, и ее разгадка сулила большие перспективы.

Глава 9. Операция началась

За Шаманом было установлено постоянное ненавязчивое наблюдение. Но он ничем не проявлял свою причастность к делу: встречался с друзьями, беззаботно пил с ними, веселился, на пару дней сгонял в приятной компании на Азовское море в район маленького курортного городка Бердянска. В общем, ничего особенного и интересного.

21 июля ровно в 12 часов 17 минут по московскому времени в его квартире раздался резкий прерывистый звонок. Звонил Чиф из Москвы с пункта междугородней связи, располагавшегося в здании бывшей Успенской церкви в Газетном переулке рядом с домом композиторов.

– Привет, Шаман, как жизнь? – спросил он бодрым голосом.

– Зашибись, – ответил Шаман. – Гуляю, оттягиваюсь по полной. Кайф. Сам-то как?

– Да все нормально. Служу теперь в Москве. Вроде дело непыльное. Так что, если что, можем встретиться. Приезжай, поболтаем.

– У меня практика в середине августа, – сказал Шаман, – но я собирался в Москву пораньше. Как тебя найти?

– Да тут режим строгий, тебя ко мне не пустят, – проговорил Чиф. – Я сам тебя найду. Ты ведь в общаге будешь?

– Ну, да. Скорее всего. Где ж еще?

– Лан, я тебя разыщу. Давай, до скорого. Увидимся.

– Пока, – сказал Шаман и медленно повесил трубку.

Еще до отъезда друга на всякий случай договорились о мерах предосторожности в деле Шамбалы. Береженого, как говорится, бог бережет. Так что лишних слов, особенно по телефону или в присутствии посторонних, они решили не произносить. Осторожный Шаман, зная по книжкам об изошренном коварстве спецслужб, опасался слежки и прослушки – слишком важное открытие он сделал тогда в Тибете, это было совершенно очевидно.

Условным сигналом им служила самая первая фраза разговора. Если бы Чиф спросил, как дела – это означало бы, что ему не удалось связаться или договориться со своими покровителями из КГБ. Тогда придется сушить весла и искать другие возможности. А если – как жизнь, значит, все в порядке. Можно продолжать намеченную операцию.

«Что ж ребятки чекисты, помогите нам, чем сможете», – подумал Шаман. Настроение у него было прекрасное. Он чувствовал себя в отличной спортивной форме и ощущал силы сразиться с самим Комитетом госбезопасности. – «Посмотрим, что вы там для нас приготовили своими чистыми руками, товарищи».

Ровно через пятнадцать минут распечатка этого разговора вместе с магнитной лентой записи уже лежала на столе майора Станкевича.

Он внимательно прочитал весь диалог, потер пальцами лоб и усмехнулся. Слушать сам разговор, ловя интонации и дыхание собеседников, уже не имело никакого смысла. Все было ясно и так. Чиф молодец, умело все сделал.

«Парнишка далеко пойдет, ему бы опыта побольше да оперативной смекалки. Но это все дело наживное», – Олег явно симпатизировал своему подопечному. К тому же, он предвкушал тот недалекий, как ему казалось, момент, когда Шамана тоже удастся завербовать, и тот станет его полноценным агентом. Это была бы поистине большая удача. Два старых сработавшихся в тандеме приятеля могли бы прекрасно действовать в паре. Как бы там ни было, теперь майору предстояло организовать встречу Шамана в Москве.

Дима Кляйн выехал в столицу пассажирским поездом через два дня после телефонного разговора. Он не хотел брать билеты на самолет и отверг возможность поездки фирменным скорым поездом, чтобы своей поспешностью не привлекать излишнего внимания. В Москве

он был к вечеру 25 числа. Выйдя из вагона на Курском вокзале, Шаман со своим скромным багажом, состоящим из рюкзака и вместительного желтого чемодана с вещами, а также пластиковым пакетом с остатками вагонной трапезы, которую ему заботливо собрала в дорогу мама, спокойно спустился в метро и поехал в сторону станции «Университет». Молодой человек направлялся к студенческому общежитию. На станции «Ленинские горы» он, как обычно, повернул голову в сторону открывавшегося с метромоста городского пейзажа. Ему всегда нравилось смотреть вниз на Москву-реку, стадион «Лужники» и два больших трамплина для прыжков на лыжах, установленных на крутом правом берегу.

Когда двери состава закрылись, и поезд с освещенной низко стоящим вечерним солнцем станции въехал в мрачный туннель холодного чрева Ленинских гор, Шаман повернулся обратно, оглядел вагон и тут же встретился взглядом с неприятного вида косматым пожилым мужчиной лет шестидесяти, который сидел напротив и немного справа – на расстоянии двух дверных пролетов. Дедуля был одет в неопрятную, местами даже сильно изодранную одежду и прохуdivшиеся сандалии, откуда торчали босые ноги с грязными ногтями. В руках он сжимал палку и выдавший виды пакет с изображением музыкантов из группы ABBA. Похоже, этот человек не мылся уже целый год, поскольку вокруг него висела аура устойчивого терпкого смрада – смеси застарелых запахов пота, пива, сигаретного перегара и мочи. Народу в вагоне было довольно много, кое-кто даже стоял, держась за блестящие поручни, но вокруг старика все равно оставалось несколько свободных мест – другие пассажиры брезговали к нему приблизиться. Короче, это был типичный московский клошар из числа тех, кого с легкой руки какого-то милицейского чиновника еще с середины семидесятых годов москвичи стали называть бомжами – нищими бродягами без определенного места жительства.

Шамана удивил взгляд бедолаги: умный, глубокий и очень спокойный. По всему было видно, что его ровным счетом не беспокоит то низменное положение, в котором он оказался. Оборванец улыбнулся студенту одними лишь глазами, слегка прищурившись, отчего из уголков глаз в сторону висков побежали маленькие лучики морщинок, и степенно разгладил свою окладистую седую бороду длинными смуглыми пальцами с неухоженными ногтями, под которыми красовались черные полоски грязи.

Когда поезд замедлил свой бег, Шаман встал, собрал пожитки и начал продвигаться к выходу. Двери вагона открылись, и он оказался на знакомой станции. Косматый пахучий бомж вышел следом за ним.

– Браток, не найдется ли у тебя лишних двадцати копеек? – проговорил он приятным, между тем, голосом с некоторой благородной хрипотцой, как у артиста Бориса Хмельницкого. – Душа просит...

Шаман достал из кармана джинсов мятый желтый рубль и протянул его нищему.

– Сходи лучше в баню, мужик, – посоветовал молодой человек, ухмыльнувшись. – Заодно постригись и сделай маникюр.

Мужчина кивнул, бросил на Шамана прощальный взгляд своих больших запоминающихся глаз, заулыбался и, мурлыча что-то под нос, направился к эскалатору, который вел к трамвайному кругу в сторону Черемушек. А студент уверенно зашагал к другому выходу. Ему не хотелось больше общаться с побирушкой из метро, поэтому он решил поехать в общагу не на удобном 34 троллейбусе, как собирался с самого начала, а на одном из автобусов, которые двигались по Ломоносовскому проспекту от Профсоюзной. Для этого Шаману пришлось промяться лишние триста метров, да еще и перейти на другую сторону широкой улицы, разделенной посередине зеленым сквером.

На следующий день, хорошо выспавшись, приняв душ и позавтракав увесистым куском холодной курицы, который он из своих дорожных припасов специально сохранил на утро, Шаман отправился в центр. Молодой человек решил прогуляться по Арбату, который еще в прошлом году был закрыт городскими властями для автомобильного транспорта, и сейчас там

сразу в нескольких местах шумела стройка, гудели краны и экскаваторы, грохотали отбойные молотки – в общем, велись активные работы по превращению этой старинной уважаемой московской улицы в красивую пешеходную зону. Шаман двигался в сторону кафе «Арба», где всегда готовили очень вкусный сбитень. Там, в полумраке крохотного зальчика, он немного расслабился и начал было погружаться в свои любимые медитативные размышления, как вдруг затылком почувствовал, что сзади кто-то тихонько подкрался.

– Ку-ку, Грыня, – услышал он знакомый голос и резко обернулся.

– Блин, Чиф, так и зайкой можно остаться, – растерянно проговорил Шаман, не на шутку перепугавшись.

– Не спи, замерзнешь, – рассмеялся Чиф и раскрыл руки для дружеских объятий.

– Типа нашел меня, – сказал Шаман, улыбаясь, – значит, клюнули черти. Пасут?

– Угу, – тихо согласился друг. – Хорошее ты место подобрал: зал малюсенький, все лишние люди видны.

– Ну что ж, – бодро откликнулся Шаман, поднимая стакан горячего сбитня, – за нашу случайную встречу в самом сердце столицы нашей Родины, города-героя Москвы! Вероятность – один к двадцати пяти миллионам.

– Ура, – негромко поддержал его Чиф.

– Аминь, – согласился Шаман и сделал большой смачный глоток. – Топтуны где? На улице?

– Наверное... Впрочем, не знаю, – сказал Чиф. – Я их пока не научился вычислять, хитрые гады, ловко шифруются. Но после тебя сюда никто не входил, только я. Значит, здесь их нет. Они же не могли знать, в какое кафе ты зайдешь.

К друзьям подошла девушка-барменша. Чиф тоже заказал себе чашку ароматного сбитня, распространявшего пряный запах меда и корицы, и ребята, демонстративно чокнувшись, выпили еще по глоточку, и снова обнялись, похлопывая друг друга по плечу. Шаману хотелось, чтобы парни из наружки, прячущиеся где-то на улице, хорошо зафиксировали весь этот спектакль сквозь витрину, украшенную колесом от телеги и какими-то странными паучьими хитросплетениями из волосатых нитей макраме. Его это веселило и раззадоривало.

– Через несколько дней нас отправят в Китай в составе какой-то делегации, – поведal Чиф.

– Любопытно, и как же ты по их версии должен был сообщить мне об этом? – поинтересовался Шаман.

– Я еду туда в качестве охранника и подсобного рабочего. Там одни шишки. У меня есть напарник. У него срочно разыгрался аппендицит. Я спросил, могу ли я вместо него взять своего друга. Мне разрешили. Ну, как-то так.

– Хилая какая-то версия. – удивился Шаман. – Уж больно топорно. Потоньше ничего не могли придумать? Одну визу в Китай, поди, месяца два надо делать. К тому же у меня, как выяснилось еще с прошлого раза, нет загранпаспорта, а это тоже время, плюс куча бумажек – та еще бухгалтерия. И с чего это у них вдруг такой кадровый голод. Они там что, нас за идиотов держат?

– Согласен, выглядит криво, – подтвердил Чиф. – А впрочем, какая разница... Главное – помогли. Нам ведь важно в Тибет попасть.

Шаман не мог взять в толк, почему чекисты действуют так грубо. Зачем? Что на самом деле они задумали?

– То есть, получается они таким образом чуть ли не специально показывают мне, откуда ноги растут? – задумчиво проговорил он вслух. – Сразу ясно, что рулит здесь контора. Это же очевидно. Не понимаю, для чего им так раскрываться?

– Не, – простодушно отреагировал Чиф, – они говорят, что это типа дипломаты сами постарались.

– Ага. То есть, дипломаты у нас с КГБ теперь вообще никак не связаны... И к тому же могут спокойно брать десантников в любых количествах, чтобы те носильщиками в делегациях работали, а когда десантников не хватает, не гнушаются и студентами МГУ, – рассмеялся Шаман.

– Выходит, так, – подтвердил Чиф, улыбнувшись в ответ.

– Ох, что-то не клеится, – вздохнул Шаман. – Последним гадом буду, они знают, что нам все известно. Странная какая-то игра.

– Да все нормально. Прорвемся! – хорохорился беспечный десантник.

– Когда мне выдадут документы?

– Скоро. Завтра в МИДе сдашь бумажки на оформление. Там же тебя сфоткают, заполнят анкету, ну и все такое.

– Ух ты... – присвистнул Шаман. – Прямо в МИДе?

– Ага. Встречаемся у главного входа в 9 утра, – ответил Чиф. – Ну все, мне пора бежать.

Дела.

В этот момент к друзьям снова подошла девушка, работавшая за стойкой, и протянула листок бумаги, сложенный вчетверо:

– Вот, просили передать.

Ребята переглянулись. Чиф развернул записку. Там красовалась всего одна строчка машинописного текста: «Сегодня в 23.00 у гаражей. Приходите оба. ОС»

– Что это значит? – спросил Шаман.

– Хрен его знает, – удивленно проговорил Чиф. – Может от шефа? ОС – скорее всего Олег Самохвалов, мой куратор из конторы. Я так думаю.

– И...

– Что и?

– Чего он хочет?

– Понятия не имею. Может планы поменялись, или какие-то новые инструкции будут.

– Почему тогда оба?

Чиф недоуменно пожал плечами.

– Где эти гаражи, ты хоть знаешь? – спросил Шаман, распаяясь.

– За Даниловским кладбищем, где речушка Чура протекает, – ответил Чиф. – Слышал я, он часто своим там встречи назначает.

– Значит, все-таки гэбисты решили открыться, – сказал Шаман, медленно проговаривая слова, как будто взвешивая. – Понимает твой начальник, что его история с дипломатической делегацией фуфло в чистом виде. Вербовать будет. А чего ж так скромно, у гаражей? Можно было бы прямо на кладбище, и не в одиннадцать, а ровно в полночь... Ух-у-у... И только мертвые с косами стоят, и тишина...

– Кончай выеживаться, – ответил Чиф. – Не до шуток сейчас. Место найти сможешь?

– Думаю, найду.

– Короче, у Загородного шоссе, где больница Кашенко, пруд есть. Он большой, не промахнешься. Там за прудом лесочек и гаражи. Вот там и встречаемся.

– Местечко знаменательное, можно даже сказать символичное: психушка, кладбище... – вздохнул Шаман. – Звучит обнадеживающе, как в адском шпионском боевике. Неужто и вправду поприличнее места не нашлось на ночь глядя?

– Не дрейфь, – подбодрил друга Чиф. – Мне пора. Вечером увидимся.

Около десяти вечера Шаман сел в трамвай у метро «Университет». На остановке у главной психиатрической лечебницы страны Советов он вышел и быстрым шагом направился к пруду с несуразным названием Бекет. Конечно, можно было проехать еще одну остановку, но часы на руке показывали половину одиннадцатого, и Шаман решил немного пройтись, чтобы

не появляться у места назначения слишком рано. Когда он подошел к гаражам, было примерно без четверти одиннадцать. Чиф уже топтался, поджидая его и капитана.

– Здоров, Чиф, – негромко сказал Шаман.

– Привет еще раз, – ответил товарищ.

– Ну что?

– Подождем немного. Он обычно не опаздывает.

В этот момент на фоне стремительно погружавшегося в ночную тьму сумеречного лесопарка показались две фигуры.

– Олег? – негромко окрикнул Чиф.

В ответ молчание.

Первый из незнакомцев стремительно подошел к десантнику и без объявления войны сильно ударил его кулаком в грудь. Дыханье у Чифа, застигнутого врасплох, перехватило, но тренированное тело успело отреагировать напряжением мышц пресса, поэтому первый удар Саня выдержал и тут же схватился с противником. В руках у нападавшего блеснул нож. Завязалась борьба. Соперник достался Чифу умелый, такого сразу не вырубешь, поэтому возня продолжалась довольно долго: несколько секунд без видимых результатов. Силы противоборствующих сторон были примерно равны.

Шаман повезло больше, или же второй нападавший просто замешкался и допустил ошибку. Он кинулся на студента, опоздав буквально на долю секунды, поэтому тот сумел ловко увернуться и сразу же ответил коротким и резким ударом ноги по колену агрессору. Неприятель в тот же миг звучно охнул и даже присел от боли, настолько эффективной оказалась неожиданная и коварная контратака Шамана.

– Ах ты, сука! – вскричал он с шепелявым присвистом, громко дыша сквозь сжатые зубы, и завертелся на месте, отбивая ритмичные поклоны и держась за ушибленную коленную чашечку.

Шаман коротко глянул на борьбу Чифа с первым громилой, быстро оценил обстановку и ринулся на помощь другу, но, споткнувшись, упал. В падении он успел вцепиться в руку бандита, в которой был нож, и, не найдя ничего лучшего, сильно укусил ее. Нападавший от неожиданности выронил свое оружие, ослабил хватку и в результате мгновенно получил от Чифа мощнейший удар локтем в челюсть. Незнакомец осел, привалившись к гаражу и, кажется, потерял сознание. Его напарник предпочел трусливо ретироваться. Хромая и извергая проклятия, он спешно покинул поле боя и скрылся во мраке наступавшей ночи.

Победители стояли, тяжело дыша. В висках стучала кровь. В это время два луча фонариков выхватили фигуры Чифа и Шамана из темноты, и друзья услышали короткий приказ:

– А ну, хлопцы, стоять! Стрелять буду.

Щурясь от яркого света, направленного прямо в глаза, ребята увидели двух патрульных ментов, которые услышав шум драки, прибыли на место происшествия. Чуть поодаль стоял их козлик желтого цвета с синей полосой на борту и перевернутыми вверх дном горшками мигалок на крыше. Видя, что драчуны не ерепятся, первый милиционер в звании младшего лейтенанта потребовал у друзей документы, бегло глянул, посветив фонариком, и спрятал паспорта в нагрудный карман своего кургузого мышиноного кителя, мол, в участке разберемся. Затем он деловито подошел к пострадавшему.

– Михалыч! – обратился офицер к другому менту, склонившись над поверженным незнакомцем. – Отведи-ка героев в машину и вызови неотложку. Тут пассажир скучает.

Друзья не стали сопротивляться. Бесцеремонно затолкав ребят в задний отсек милицейского козлика, Михалыч с напарником закурили, поджидая приезда скорой помощи.

– Во, блин, попали, – сказал Шаман, устраиваясь на неудобной лавке для задержанных и потирая ногу – ссадина на коленке, которую он получил в момент падения, неприятно саднила.

– Ща придет Олег, разрулит ситуацию, – обнадежил Чиф.

Но Олег так и не появился: может быть опоздал, а может просто не захотел связываться с ментами, чтобы не раскрывать карты каждому первому встречному. Значит, вытащит их позже.

Вскоре приехала машина неотложки и забрала злодея, лежавшего у железных дверей гаража без чувств. А патрульные вернулись в свою колымагу и прямо по трамвайным путям Первого Рошинского проезда с грохотом помчались в районное отделение милиции, располагавшееся в Дальнем переулке, как раз напротив Донского монастыря, чтобы сдать задержанных для выяснения их личностей.

Друзей посадили в обезьянник, а документы куда-то унесли. Так они просидели почти два часа, а потом заявился какой-то старлей и забрал Шамана на допрос.

– Значит, вы у нас Кляйн Дмитрий Юрьевич, – сказал он неторопливо и лениво посмотрел на задержанного. – Скажите, кем вам приходится Александр Владимирович Ровенский?

– Другом, – сдержанно ответил Шаман, стараясь не раздражать офицера.

– Другом, – повторил старший лейтенант. – А вы, значит, студент Геологического факультета МГУ.

– Да.

– А вы знаете, что ваш друг дезертировал, значит, из рядов советской армии?

– Как? – удивился Шаман.

– А вот так, – медленно проговаривая слова, ответил милиционер. – Самовольно покинул расположение своей части в Кандагаре, в дружественной республике Афганистан, где наши воины-интернационалисты, значит, выполняют свой долг, и нелегально перешел границу Узбекской ССР.

– Это невозможно? Его же перевели оттуда в Москву! – начал горячиться Шаман.

– Далее, – не обращая внимания на Диму, невозмутимо продолжил старлей, медленно листая какие-то бумажки, – в Ташкенте гражданин Ровенский ввязался в драку, где жестоко избил троих местных, один из которых, значит, до сих пор лежит в больнице с увечьями. Между прочим, – в тяжелом состоянии. И вот теперь сегодня...

– Что сегодня? – вспылил Шаман. – На нас напали. Мы защищались.

– Не знаю, не знаю, – размеренно произнес старлей, словно нарочно пытался своей неторопливостью вывести задержанного из себя. – Следствие покажет.

– Да какое следствие? – не выдержал Шаман.

– А такое, – ответил милиционер. – Прижмурился ваш клиент прямо в скорой. Даже до больницы не дотянул горемыка. Мокрое на вас, ребята. Так что, значит, кончилась твоя веселая студенческая жизнь, парень.

Шаман оцепенел. Он не мог поверить в происходящее. Фантасмагория какая-то, театр абсурда.

Когда он вернулся в обезьянник, Чифа там уже не было.

«Неужто совсем загребли?» – подумал Шаман.

Вопросы лезли в голову один за другим. Вообще-то хотелось бы знать, что это было? Что на самом деле произошло? В дезертирство Чифа Шаман не верил. Не складывалось. Про драку в Ташкенте Чиф сам ему рассказывал, но ведь это были подставные гэбисты. А сегодня что... Они ведь должны были встретиться с Саниным шефом. Что же тогда стряслось? Была ли это роковая случайность, или дьявольский замысел госбезопасности? Мысли путались.

Вскоре вернулся Чиф. Оказывается, его водили на параллельный допрос. На товарище лица не было. Интересно, что ему там наговорили?

– Чиф, ты как? – спросил Шаман.

– Разговорчики! – раздался резкий окрик дежурного, которому было велено следить за происходящим и пресекать всякие нежелательные поползновения задержанных.

Чиф страдальчески посмотрел на друга, обреченно вздохнул и без всякого энтузиазма молча сел на лавку. Около трех часов ночи пришел младший лейтенант.

– Руки, – сказал он зычным голосом, приказывая ребятам протянуть ладони в узкое горизонтальное окошечко между прутьями решетки, и достал наручники.

Браслеты щелкнули, неприятно освежив запястья рук металлическим холодком, и друзей вывели из обезьянника.

– Все, парни, – сказал Михалыч, препровождая их к уже знакомому козлику. – Теперь ваш путь в сизо. Как говорится...

Он открыл дверь, впихнул друзей внутрь, а сам сел за руль. Следом в машину погрузился младший лейтенант, и они выдвинулись по направлению к Ленинскому проспекту.

Свернув в Первый Донской проезд, милицейская машина чуть не столкнулась с камазом, который грозно стоял поперек дороги, перегорев всю улицу.

– Мусора! Стой! – из грузовика выскочил мужик в сером спортивном костюме с автоматом в руках. Один из его подручных, тоже хорошо вооруженный, показался в кузове машины, другой же, сидевший рядом с шофером, оставался в кабине и наблюдал.

Михалыч нажал на газ и рванулся влево, пытаясь объехать камаз по пешеходной дорожке скверика, огибавшего монастырь. Поначалу ему это удалось, но тут раздалась длинная очередь из калаша, пули застучали по кузову патрульной машины, раздался щелкающий звук пробитого лобового стекла, и левую руку Чифа обожгло, словно укусил шершень.

Михалыч в водителеском кресле грузно осел и безжизненной ногой притопил педаль акселератора. Рядом закачал головой подстреленный младший лейтенант. Неуправляемый козлик взревел и, набирая скорость, помчался по направлению к Донской улице, сбивая на ходу парковые лавочки и урны. Несколько раз он сильно подпрыгнул на бордюрах, проехал метров двести по газону и на всем ходу мощно уткнулся в старую липу, слегка завалившись при этом набок. Машину перекосило, и задняя дверца от удара открылась.

За секунду до столкновения Шаман увидел, как все происходящее вдруг замедлилось, и из воздуха, сгустившегося, будто клубы сигаретного дыма, соткалась полупрозрачная фигура Белого.левой рукой он приобнял Шамана, а правую бережно положил ему на голову.

– Ничего не бойся, – сказал Белый тихим и спокойным голосом. – Спи...

В то же мгновение Шаман вырубился, сильно ударившись головой о борт машины. Из раны на затылке тоненьким ручейком заструилась кровь, но юношу это уже не беспокоило, он потерял сознание.

После удара патрульного узика о дерево Чиф мгновенно пришел в себя. Он глянул на людей, выскочивших из грузовика, и увидел, как они заторопились к месту аварии. Через полминуты эти боевики будут здесь. А еще через две минуты сюда прискачут менты, которые наверняка слышали выстрелы. Надо торопиться. Доверия к странным незнакомцам, устроившим яростную пальбу в мирной тиши ночной Москвы, он совсем не испытывал.

Первым делом Чиф быстрым и точным движением проверил у друга пульс. Живой, слава богу! После этого он выкарабкался из машины и вытащил тело Шамана. Оставив его лежать на траве, десантник бросился к кабине, вынул из замка зажигания ключи, нашел в связке самый маленький и ловко расстегнул браслеты. Освободив руки, он повернулся к подстреленным ментам и профессионально быстро прошмонал их. В первую очередь Чиф достал из кобуры младшего лейтенанта пистолет Макарова вместе с запасной обоймой. Потом он осмотрел его карманы, в которых оказались удостоверение личности, блокнотик с записями каких-то телефонов и адресов, сигареты «Стюардесса», модная американская зажигалка Зиппо – ух ты, фирма, – а также портмоне с фотографией семьи и небольшим количеством денег, ключи от квартиры, фонарик. У Михалыча в кобуре вместо табельного оружия оказались семечки. Тьфу, черт. Еще один фонарик, снова удостоверение, в боковых карманах брюк носовой платок и несколько купюр, сложенных пополам, мелочь, спички, еще одна пачка сигарет – почти пустая, старенький перочинный ножик с несколькими лезвиями, штопором и открывалкой для бутылок и

консервных банок. Все, времени больше нет. Ни своего паспорта, ни документов Шамана, Чиф так и не обнаружил.

Схватив друга за шиворот, он поволок его в крошечную тьму сквера. Люди с автоматами стремительно приближались. Медлить было некогда. Чиф передернул затвор пистолета, слегка досадуя, что ему досталось такое невыразительное оружие – и почему ментов снабжают этими пукалками, тот же ТТ был бы куда эффективнее... Боец занял огневую позицию и вдруг услышал, как где-то слева, в кустах бузины, буквально в метре от него гулко и басовито заскрежетал металл, это сдвинулся тяжелый канализационный люк.

– Эй, пацан, давай сюда, – услышал он тихий голос, донесшийся из подземелья.

Недолго думая, Чиф схватил друга подмышки и одним мощным движением перебросил его к люку. Еще немного, и они спасены! Десантник быстро, но аккуратно спустил бесчувственное тело товарища в коллектор. Там его приняли чьи-то заботливые руки. Следом он юркнул вниз сам, задержался на мгновение на металлической ступеньке-скобе, вмонтированной в стенку колодца, и, стараясь не издавать лишних звуков, тихо задвинул люк – как раз вовремя.

Подоспевшие через пару секунд люди с автоматами бегло осмотрели место происшествия, но никого не обнаружили.

– Ушли, товарищ майор, – негромко сказал один из них.

– Хорошо, – ответил майор Станкевич, освещая фонариком люк, к которому вел свежий, хотя и совсем невзрачный кровавый след. – Все живы?

– Все.

Олег Сергеевич присел на корточки и внимательно рассмотрел царапины на пыльной чугунной поверхности крышки люка. Удовлетворившись увиденным, он наконец поинтересовался:

– Как там наши ребята?

– Покоцались немного, но жить будут. Блин, каскадеры... Может лучше было холостыми стрелять? – ответил другой.

Его товарищ кивнул, выражая согласие.

– Да вы что, в самом деле? – майор строго посмотрел на подчиненных. – Какими, нафиг, холостыми? Дымный порох, друзья мои, вот что дает полную имитацию, как дед мой учил. Пуля летит, но сила при этом не убойная, или вы хотите, чтобы нас в самом же начале операции раскусили? Чиф, между прочим, не салага вам какая-нибудь, Афган за плечами. Так что все должно быть предельно натурально.

В кабине патрульного козлика уже слышалось шумное кряхтение и шевеление подставных милиционеров.

– Отправьте-ка этих бравых молодцев в больницу, срочно, пусть врачи осмотрят, – распорядился Станкевич. – Как там радиомаяк? Работает?

– Никак нет, товарищ майор. Только что работал, а теперь нет.

– Елки-палки! Ладно, будем ждать, – сказал майор, – они скоро проявятся. По канализации ушли, там сигнал не проходит. Молодец Чиф, соображает. Отправьте ориентировки в МВД, пусть объявят пацанов во всесоюзный розыск, но чтоб не брали. Как обнаружат, никакой самодеятельности, только следить вплоть до нашего приезда, причем максимально скрытно. Все. Отбой. Давайте, по домам.

Старт операции «Шамбала» в ее новой редакции был успешно осуществлен.

Глава 10. Конкуренты

В кабинете Эдварда Сьюэлла, человека, который уже много лет курировал в ЦРУ различные экстравагантные направления, всю ночь горел свет. Вчера вечером на совещании у шефа он получил для изучения крайне любопытные донесения сразу от двух агентов, работавших в Советском Союзе независимо друг от друга. Необходимо было срочно разобраться в сложившейся ситуации.

Один агент сообщал о некоем Шамане, кажется, студенте московского университета, за которым установили наблюдение сотрудники майора Станкевича после того, как службами безопасности было перехвачено более чем странное письмо Шамана кому-то, кого он именовал шефом, о якобы найденных им вратах в Шамбалу. Второй докладывал о ночной перестрелке, которую в Москве устроили какие-то неизвестные с целью освобождения из рук местной полиции двух бандитов, одного из которых, по документам также студента МГУ Дмитрия Кляйна, напарник называл Шаманом.

Сопоставив оба этих рапорта, хозяин кабинета пришел к выводу, что на Лубянке, по всей видимости, активизировалась операция, сведений о которой он ждал уже много лет. Зная напористый характер Станкевича, в спецслужбах США не сомневались, что этому молодому и талантливому разведчику рано или поздно все-таки удастся нарыть что-нибудь существенное в таком бесперспективном деле как поиск Шамбалы. «Что ж, надо будет осмотреться на месте и тщательно проверить факты, – рассудил мистер Сьюэлл, обдумывая свои дальнейшие шаги, – а потом действовать решительно и основательно. Шамбала, если она и впрямь существует, должна быть нашей».

Эдвард Сьюэлл почувствовал возбуждающий запах победы – не найти, так украсть – пусть конкуренты поработают и подготовят почву, а потом явимся мы и приберем к рукам результаты их трудов. От радостного и волнительного напряжения у него даже вспотели руки, в которые удача, казалось, плыла сама. Он попытался мысленно реконструировать картину событий.

Первое. Шаман каким-то образом нашел Шамбалу.

Второе. Он сообщил некой вышестоящей инстанции о своем открытии в письме. Странно, неужели они там, в России, все письма проверяют? Такая тотальная слежка за населением невозможна. Значит, вероятно, за этим Шаманом уже велось наблюдение. Где-то он должен был наследить. Этот вопрос надо будет изучить более тщательно.

Третье. Как-то Шаман связан с криминальным миром. Это тоже нужно будет проверить. Возможно, поэтому за ним и следили.

Четвертое. В ходе перестрелки Шаману, похоже, удалось скрыться. Значит, он скорее всего затаится и ляжет на дно. В таком случае, найти его будет очень непросто.

Начнем поиски со студенческих кругов. Если Шаман действительно учится в МГУ, то ближе всех к нему мог бы подобраться молодой и очень перспективный оператор с позывным «Сова». Да, пожалуй, это самая подходящая кандидатура.

Разведчик встал и прошелся по кабинету. В окне светало. Часы показывали семь минут пятого утра. Значит в Москве сейчас полдень. Мистер Сьюэлл подошел к телефону и набрал номер.

Телефон Уильяма Ларсена противно загудел привычным низким зуммером. На аппарате горела лампочка, свидетельствующая о том, что звонок идет по защищенной линии из небольшого городка Лэнгли, штат Вирджиния. Мистер Ларсен, недовольно кряхтя, снял трубку и вместо приветствия проговорил в микрофон:

– 1-00-24.

- Хай, Билли, – услышал он в ответ приветствие Сьюэлла.
- А, это ты, Эдди, – произнес Ларсен, глядя на часы. – Чего не спится?
- Дело есть, – ответил Сьюэлл. – Надо активизировать Сову. Вызывай агента на встречу.

Инструкции сейчас вышлю.

- Окей, – сказал Билли.

Уильям Ларсен служил в аппарате Артура Хартмана, посла США в СССР, в чине советника по вопросам информации, культуры и образования, однако параллельно – и это было его главное занятие – заведовал особыми делами, связанными с перспективными студентами, молодыми специалистами и учеными. Широкая сеть его ищек и осведомителей работала в различных вузах и научно-исследовательских институтах Советского Союза с единственной целью – хэдхантинг. Главной задачей этих охотников за головами была обработка и вывоз интеллектуального генофонда «империи зла» на Запад.

Дело было поставлено на конвейер, и работало безукоризненно. Но имелись у мистера Ларсена и особые спецы, выполнявшие более деликатные задания. Агент Сова относился именно к этой категории.

Глава 11. Подземелье

Чиф с неизвестным спасителем бежали по смрадному и узкому туннелю, освещая путь одним из милицейских фонариков. В воздухе стоял сильный и удушливый кисло-сладкий запах гнили. Юноша держал тяжелое обмякшее тело раненого друга подмышками, а незнакомец, пыхтевший впереди, обхватил ноги Шамана правой рукой в районе колен, левой же при помощи фонарика сканировал влажные своды подземелья. Луч света выхватывал из тьмы какие-то трубы и кабели со свисающими с них мочалками грязи и плесени, прыгал по стенам длинного коридора и лихорадочно обшаривал их в поисках знака, под которым прятался маленький лаз в параллельный туннель. Под ногами постоянно чавкала грязь, и вода, стоявшая лужицами на полу, ярко поблескивала, отражая свет фонарика.

В какой-то момент незнакомец остановился и направил луч на стену. Внутри светового пятна была отчетливо видна буква «К», начертанная когда-то давным-давно прямо на бетоне белой масляной краской. Теперь она была уже не белой, а пего-серой с налетом плесени и грибка, но все же достаточно хорошо заметной на фоне осклизлой черной стены.

– Здесь, – сказал спаситель хриплым голосом. – Давай, кладем его осторожно. Разворачивай. Тут есть проход, но только ползком можно пробраться.

Они положили Шамана на грязный и мокрый бетон. Незнакомец полез первым, двигаясь ногами вперед. Скрывшись наполовину в едва заметном лазе, который располагался на уровне пола и представлял собой обычную дыру в стене диаметром чуть меньше метра, он повернулся к Шаману, схватил его за шиворот и с силой придвинул к себе сантиметров на пятнадцать.

– Что стоишь? Давай помогай, – прикрикнул он на Чифа. – Толкай его и сам ползи следом, только головой вперед. Быстрее. А то неровен час погоня...

Чиф не заставил себя долго упрашивать. Он быстро сообразил, какова техника продвижения в трубе. Перемещаясь волнообразными рывками, как гусеница, они сантиметр за сантиметром отвоевывали пространство, направляясь куда-то вбок от туннеля, по которому только что бежали. Через несколько минут, преодолев метров пять узкой кишки, они вылезли в более широкий и сухой коридор. Там было уже не так темно, да и воняло не сильно, или может Чиф уже успел привыкнуть к запаху. В пятидесяти шагах от беглецов горела тусклая лампочка, а в сотне метров от нее еще одна, потом еще, дальше коридор плавной дугой поворачивал вправо.

– Пойдем, – сказал спаситель, – еще около километра, а там можно будет и передохнуть.

– Мужик, ты кто? – спросил Чиф, тяжело дыша.

– Потом, потом, – незнакомец понизил голос. – Позже поговорим. Не время сейчас.

Они снова подхватили Шамана, и уже выключив фонарик, что было сил помчались вперед. Сколько времени им пришлось бежать, Чиф сказать не мог, но, в конце концов, беглецы снова остановились. Напротив, в стене туннеля Чиф разглядел массивную металлическую дверь с запорами-рычагами, какие бывают обычно на кораблях или в бомбоубежище.

– Сюда, – сказал незнакомец и открыл дверь. За нею была слабо освещенная металлическая лестница наверх. – Нам на третий этаж. Пошли.

Они минули один пролет, за которым шло ответвление горизонтального прохода, потом второй. После третьего пролета свернули, а лестница продолжала подниматься.

Чиф, задрав голову, посмотрел вверх, пытаясь определить, сколько там еще маршей, чтобы сориентироваться на какой глубине он находился. Но ему это не удалось, лестница терялась во мраке.

– Мы что, так глубоко? – спросил он.

– Да, пока бежали, все время спускались по туннелю вниз под уклон. В темноте не сразу заметно. Тут метров двадцать до поверхности. Может больше. Идем.

Поднявшись на нужный уровень, они продвинулись по ответвлению коридора еще пару тройку сотен метров и снова остановились перед дверью, на которой висел массивный амбарный замок.

– Пришли, – сказал незнакомец, открывая дверь собственным ключом. – Здесь и отдохнем.

За дверью их ожидала относительно неплохо освещенная сухая и теплая комнатка, узкая, как пенал, площадью около двадцати квадратных метров, в конце которой черной дырой зиял проход в еще один коридор, заканчивающийся новой железной дверью. Вдоль одной из стен проходили какие-то толстые трубы, обмазанные шершавой гипсовой массой и несколько металлических труб, покоившихся на крюках-кронштейнах, вмонтированных в стену. От оштукатуренных труб распространялось мягкое и приятное тепло. Рядом стояли несколько деревянных ящиков, один из которых был покрыт старой засаленной газетой «Правда», а чуть в глубине Чиф разглядел примитивную постель, обустроенную на скорую руку и больше напоминавшую звериное логово. Похоже, эта убогая каморка служила прибежищем их спасителю. И все же, несмотря на всю безрадостность обстановки, в ней был какой-то шарм. Чифу это место показалось вполне обжитым и уютным, и даже немного напомнило их тайную нору на пустыре за домом, где они с Шаманом провели в детстве столько незабываемых часов.

При свете лампочки Чиф попытался внимательнее рассмотреть незнакомца. Это был мужчина среднего роста, с кудлатой седой бородой, грязный, оборванный, пожилой – совсем старик – на вид обычный столичный бомж, каким-то странным и непонятным образом так вовремя подвернувшийся в самый решающий момент. Удивило Чифа и лицо этого человека – большие умные глаза, нос немного тонкий с красивой благородной горбинкой и все это в обрамлении густых волос с проседью и столь же пышной бороды, как у Карла Маркса, кстати, сходство было на самом деле поразительным. Лицо это своей благообразностью сильно контрастировало с омерзительным нищенским видом клошара и отвращения не вызывало, скорее даже наоборот, располагало к доверию. Старик чем-то неуловимо напоминал филина, мудрого и молчаливого.

Чиф бросил взгляд на лежащего на полу Шамана. Тот был жив, но пребывал в бессознательном состоянии.

– Та-а-ак, что тут у нас? – распевно произнес бомж, внимательно изучая рану Шамана. – Ничего страшного, но грязи много. Антибиотики понадобятся.

– Нас здесь не найдут? – поинтересовался Чиф.

– Здесь вряд ли, – ответил незнакомец, не оборачиваясь и продолжая импровизированный медицинский осмотр. – У тебя есть лекарства?

– Откуда? – сокрушенно вздохнул Чиф.

– Ладно, решим проблему, – проворчал старик. – Ну-ка, руку покажи.

– Ерунда, – сказал Чиф, вспомнив, наконец, и о своем ранении.

– Действительно, ерунда, – успокоился незнакомец, бросив беглый взгляд на кровоточащую ссадину. – Чиркнуло только. До свадьбы заживет, но рану все равно обработать надо.

– Мужик, ты это... – замаялся Чиф. – Спасибо тебе. Вовремя ты появился.

Старик засмеялся одними глазами.

– Что там у вас случилось? Ну, колись, – спросил он. – Я слышал, стреляли. Автоматы.

– Я даже не знаю, что тебе и сказать, – уклончиво ответил Чиф. – Чума какая-то.

– Чума, говоришь.

Чиф посмотрел на бомжа и понял, что не сможет отвертеться. Он глубоко вздохнул и в двух словах поведал своему спасителю всю их историю, умолчав только об Олеге Самохвалове и их тайной миссии.

– Да, дела, – вздохнул старик. – Трофеи покажи. Может, сгодятся для обмена. Нам еда нужна и лекарства.

– Тебя как зовут-то? – поинтересовался Чиф, совсем не торопясь продемонстрировать бомжу содержимое своих карманов.

– Местные называют меня дядей Колей, – ответил бомж. – И ты так зови. Для удобства.

– А я Саня, – радушно отозвался Чиф, – но все зовут меня Чифом. А это мой друг Шаман, в миру – Дима. Между прочим, студент МГУ.

– Ишь ты, – улыбнулся дядя Коля, – ученый значит...

– А то, – с гордостью подтвердил Чиф.

– Ладно, выворачивай карманы, не тяни резину. Думать будем, анализировать, – сказал бомж, подняв вверх крючковатый указательный палец. – Все равно, пока не просохнем, никуда не пойдем.

Чиф нехотя достал все, что сумел конфисковать у милиционеров, и аккуратно разложил на полу каморки под лампочкой. Дядя Коля, присев на ящик, взял в руки две пачки сигарет.

– Куришь? – спросил он Чифа.

– Неа, – ответил Чиф.

– А этот, – старик кивком головы показал на Шамана.

– Тоже.

– Отлично, – сказал дядя Коля. – Значит, сигареты и зажигалка пойдут на обмен. Местным детям подземелья это понравится. А вот спички нам самим пригодятся.

– Угу, – подтвердил Чиф. Ему, конечно, очень хотелось оставить фирменную зажигалку себе, но сейчас он хорошо понимал, что на эту бесценную вещицу можно будет выгодно выменять и лекарства, и еду. Было совершенно очевидно, что в ближайшем будущем подниматься на поверхность очень опасно. На какое-то время придется залечь здесь, забыв о цивилизации и ее благах.

– Богатый улов, – рассуждал дядя Коля, трогая грязным пальцем холодный ствол пистолета. – А денег сколько поднял?

Чиф принялся считать. Вместе с его собственными деньгами получилось в сумме 23 рубля 46 копеек.

– Не густо, – вздохнул бомж и начал рыться в своих карманах. – Вот еще 2 рубля 12 копеек. Итого, четвертак с полтинничком... и еще 8 копеек в придачу. На такой казне далеко не уедешь.

– Может у Шамана найдется еще несколько рублей? – с надеждой в голосе проговорил Чиф.

В этот момент раненый пошевелился и застонал.

– В себя приходит, – сказал дядя Коля и подошел к Диме поближе.

Шаман приоткрыл глаза. Сквозь дрожащие веки он увидел какую-то странную комнату, тускло освещенную лампочкой Ильича, и незнакомого пожилого бородача, склонившегося над ним. Голова раскальвалась и горела, словно по ней только что долбанули трехпудовым молотом.

– Чиф, – слабым голосом позвал Дима.

– Я здесь, братан! – горячо отозвался Чиф, подскочив к очнувшемуся другу.

– Что это было? Где мы? – прохрипел Шаман, еле шевеля губами, и почувствовал, что сознание снова покидает его.

Комната задрожала и начала прыгать, а потом вращаться и меркнуть, словно улетала по спирали в черное и холодное космическое пространство. Чиф и косматый мужик, лицо которого, как показалось Шаману, он уже где-то видел, закрутились в хороводе вместе с каморкой.

– Белый! – Шаман тихим шепотом сипло обратился куда-то вдаль.

– Я здесь, – ответил Белый, полупрозрачным облаком на мгновение проявившийся в самом центре спирали. – Не переживай, все будет хорошо...

Дима Кляйн опять потерял сознание.

– Отрубился, – подтвердил дядя Коля. – Ничего, скоро все образуется. Осмотри его карманы. Не стесняйся. Надо знать наш бюджет.

Чиф достал из заднего кармана Диминых джинсов несколько купюр: пятерку, трешку и еще четыре бумажки по рублю. В другом кармане оказалось рубль шестьдесят восемь мелочью.

– Отлично, – подытожил дядя Коля, – значит, мы имеем на сегодня 39 рублей 26 копеек. Не роскошь, конечно, но жить можно.

Он взял деньги, сигареты и зажигалку, неодобрительно глянул на пистолет с запасными патронами и, тяжело вздохнув, быстро направился к черному проему в противоположной стене.

– Сиди здесь и жди, – приказным тоном сказал бомж. – А еще лучше – вздремни. Тебе надо отдохнуть. Я скоро.

– Э-э-э! Мужик! – Чиф и глазом не успел моргнуть, как дядя Коля исчез во тьме смежного прохода, который вел неизвестно куда.

Десантник подскочил к выходу, чтобы догнать бомжа, но побоялся далеко уходить, потому что в темных закоулках подземного лабиринта можно было легко заблудиться. Ничего не попишешь. Пришлось вернуться в освещенную комнату и ждать.

Чиф корил себя за нерасторопность. Вот так, взял и отпустил человека с деньгами. Хотя, с другой стороны, оружие-то он оставил. Значит, еще не все потеряно.

Чиф взял пистолет, складной ножик, записную книжку младшего лейтенанта, удостоверения личности обоих патрульных и фонарики, рассовал все по карманам, вместе с наручниками, снятыми с Шамана уже в подземелье. Затем подошел к другу и сел на пол рядом с ним, привалившись спиной к теплой шершавой трубе. Мысленно он принялся перебирать в голове события вчерашнего дня, пытаясь все припомнить и не упустить ни единой детали. Сияясь найти хоть какие-то ответы на мучившие его вопросы, он незаметно для себя уснул.

Когда Чиф открыл глаза, дядя Коля уже вернулся и колдовал над безжизненным телом Шамана. Голова студента была уже мастерски перевязана чистым бинтом. Рядом лежали комки ваты, марлевые салфетки, бутылочка из-под перекиси водорода и пузырек йода. Мужчина наполнял жутко дефицитный импортный одноразовый шприц какой-то жидкостью из ампулы, готовясь сделать раненому укол.

Чиф схватил его за руку.

– Ты чего, чувак? Сдурел? – возмутился дядя Коля. – Совсем с ума сошел? Иглу испачкаешь, как потом колоть? Я за этот шприц, между прочим, трешку отдал.

– Что это? – строго спросил Чиф, недобро косясь глазами на землисто-серую руку бомжа со шприцем.

– Антибиотик, – пояснил бомж. – Не вколем, худо будет...

Чиф отпустил руку и виновато шмыгнул носом.

– Ты бы хоть руки помыл, – проворчал он, смягчившись, – эскулап хренов.

– А я и помыл, – улыбнулся дядя Коля и показал взглядом на емкость из-под чекушки водки. – Ты бы фигней не занимался, Чиф. А? Помоги лучше. Подержи руку. Вот тут.

– Дядь Коля, а дальше-то чего? – спросил Чиф, взявшись ассистировать чумазому врачу.

– Ждем, когда Шаман очнется. Ты поешь пока.

Чиф только сейчас увидел, что дядя Коля принес не только лекарства, но и пакет с едой: два батона хлеба, бутылка кефира, немного любительской колбасы. Он улыбнулся и поблагодарил старика:

– Извини, дядя Коля, сейчас чего-то не хочется.

– Тогда иди сюда, рану твою обработаю, – сказал старик.

Чиф не стал сопротивляться и уже через пять минут сидел на полу со свежей повязкой на руке.

Глава 12. Встреча

Теряя сознание Дима Кляйн успел заметить, как черная дыра, в которую ввинтилась тускло освещенная каморка с Чифом и бородатым стариком, постепенно начала светлеть, и в конце концов он почувствовал себя твердо стоящим на ногах в бесконечном молочно-белом пространстве, где не было ни стен, ни потолка, да и пол, похоже, если и существовал, то был абсолютно прозрачным, как стекло, и простирался во все стороны, а под ним – все то же молоко.

* * *

Я огляделся и даже несколько раз повернулся во все стороны. Пустота... Только белая пустота. Но не искрящаяся, как в преддверии Шамбалы, а равномерно-матовая.

Ощущение было очень необычным. Твердая поверхность под ногами чувствовалась отчетливо, ступни осязали нечто гладкое и ровное, а вокруг ничего. Казалось, что со всех сторон меня окружал плотный белый туман, находящийся, однако, на некотором расстоянии, поскольку свои руки и ноги я видел очень отчетливо и незамутненно. Никаких теней мое тело не отбрасывало, и свет, струившийся отовсюду, был ровным, слегка приглушенным и рассеянным.

Вдруг я понял, что за моей спиной кто-то стоит. Я обернулся еще раз и увидел приветливое лицо Белого.

– Белый, ты? – спросил я механически, уже почти не удивляясь, так как именно Белого я и надеялся здесь увидеть, во всяком случае, мне этого очень хотелось.

– Ну а кто же еще? – рассмеялся пришелец.

– Хорошо, а то уж я подумал...

– Еще кого-то ждешь? – продолжал ерничать Белый. – Нет, ну ты совершенно неисправим. Как ты себя чувствуешь?

– Как-то очень странно, – проговорил я, пытаюсь определить, что же я чувствовал на самом деле. – Что со мной произошло?

– Ты ударился головой о стенку в патрульной машине в момент аварии, когда провокаторы из комитета госбезопасности подстроили эту авткатастрофу.

– Я что, умер? – спросил я, поскольку не мог найти никакого другого объяснения происходящему.

– Ну что ты, – улыбнулся Белый. – Как можно... Я же всегда с тобой и поверь, сумею защитить тебя от ненужных случайностей.

– Ты прямо мой ангел хранитель... – задумчиво проговорил я.

– Ты даже не представляешь, насколько ты близок к истине, – беседа начала приобретать интересный оборот. – Люди действительно считают свое высшее Я ангелом хранителем. Таким образом, хоть мы и едины, но до определенной поры все же должны жить и действовать порознь. Пройдут еще многие тысячи лет, пока мы сможем неразлучно существовать на земле.

– Кто мы?

– Люди и их ангелы в одном теле, – ответил Белый смеясь. – Ну да ладно. Всеу свое время.

– А ты говорил, что времени не существует...

– Запомнил? Молодец, – Белый подошел ближе и положил руку мне на плечо. – Все так, мой друг и брат. Времени нет, но оно все же есть и имеет свой предначертанный ход. Однако для человечества это не имеет решающего значения, поскольку на самом деле мы, люди, живем

над временем. События, которые происходят с нами, по большому счету не важны, они только затуманивают простоту и чистоту жизни. Они, как кошмарный сон, приносят только страдания и боль. Поэтому времени нет и не должно быть прежде всего в твоём сознании! Ты не должен думать о нём, и тогда твоё время будет течь правильно, как ему и надлежит течь. Если же ты придаёшь ему слишком большое значение, или даже пытаешься управлять его ходом, происходят те самые скачки, с которыми ты уже сталкивался. В глубине души тебе хотелось приключений, и ты их получил, и ещё получишь сполна. Ты мечтал стать героем шпионского романа, и вот тебе, пожалуйста. Но не думай о будущем. Не думай также и о прошлом. Не думай об управлении временем, так ты только напортачишь. Думай лишь о том, что происходит здесь и сейчас, и тебе не будет никакого дела до времени и его течения. Появятся задачи более важные и интересные.

– Какие задачи?

– Ты опять хочешь прыгнуть в будущее, хитрец! Но меня не проведешь, – ответил Белый, не переставая улыбаться, и все же вполне серьезно. – Будет время, будут и задачи. Позволь своему разуму быть таким, каков он есть, и не попадайся в его сети. Разум – это отличный и тонко отрегулированный инструмент. Пользуйся им по назначению и не давай ему подменить себя. Если тебе нужно забить в стену гвоздь, ты берешь молоток и забиваешь. Когда же молоток не нужен, ты откладываешь его в сторону вплоть до того момента, пока он тебе снова не понадобится. При этом ты отчетливо понимаешь, что молоток это всего лишь инструмент, а вовсе не ты сам. Это продолжение твоей руки, а не твоя рука. Ты не идентифицируешь себя с молотком. Тогда почему ты ставишь знак равенства между собой и другим инструментом – разумом?

– Получается, разум сам порождает время, когда я думаю о прошлом или будущем? – в моей голове начало что-то проясняться. – И когда я позволяю ему это, то попадаю в плен времени. И наоборот, думая о времени, я живу в нём...

Это было слишком сложно для моего сознания. Образы, порожденные воображением, снова окружают и обволакивают меня. Вот, я вижу себя парящим во времени и отчетливо чувствую, что в какой-то момент способен освободиться от химер разума. Поняв это, я ощущаю радость, но в тот же самый миг, начинаю осознавать, насколько же я на самом деле беспомощен, и тогда мой разум возвращается, контратакует и снова торжествует победу надо мной. Как мне научиться выключать его, когда он не нужен, и включать, когда он снова понадобится?

– Ты прав, Шаман, это и просто и непросто одновременно, – утешил Белый, словно он точно знал, о чем я думал. – Для начала покончи с иллюзией времени. Время и разум – неразлучны. Убери время из своего сознания, и оно остановится, пока ты не решишь снова им воспользоваться. Научись жить в настоящем, наблюдай его и ни о чем не думай, тогда волшебным образом все произойдет само собой.

– Я не понимаю, как можно этому научиться, – проговорил я с нотками отчаяния в голосе.

– Я вижу, как это терзает тебя, лишая твердой почвы под ногами, – ответил Белый. – Муки и скорбь – это боль, которой быть не должно. Но ты сам пока не хочешь от нее отречься. Только ты виноват в том, что не можешь стать свободным и счастливым, и никто другой. Я могу облегчить твои страдания, но избавиться от них ты должен самостоятельно.

– Это возможно? – спросил я в недоумении.

– Посмотри на меня, – серьезно ответил Белый. – Я так и живу. Но я – это ты. Помнишь? Значит, и ты сможешь. И когда это произойдет, мы уже не разлучимся никогда. А пока мне пора оставить тебя.

– Погоди, Белый, побудь еще минутку, – взмолился я. – Научи, что делать. Как поступить? Каким образом достичь того, о чем ты говоришь?

– Жить в настоящем, – сказал Белый и, немного помолчав, добавил, – и не думай об этом, просто живи. Не привязывайся к словам, не старайся обглодать до костей все то, о чем я тебе

говорю. Знай, я говорю это лишь для того, чтобы задать вектор твоего развития и пробудить в тебе правильное чувство, а вовсе не загнать тебя в очередной мыслительный тупик. Не надо все это постоянно обдумывать. Отключи мышление. Насладись текущим моментом. Почувствуй его и вкуси. Познай свое дыхание, его ритм, изведай тепло своего тела. Услышь, что происходит вокруг, рассмотри, ощути прикосновение, осязай его, попробуй на вкус и пойми, что все, что у тебя есть – это настоящее. Прошлое нет, оно кануло в Лету, будущего нет, ибо оно еще не наступило. Только ты, и только сейчас.

Голос Белого стал удаляться и зазвучал глуше, как из трубы.

– Я не хочу, чтобы ты уходил, – закричал я. – Не хочу возвращаться обратно. Не хочу, чтобы менялось время и пространство. Я с ума сойду. Сделай что-нибудь. Помогите!

– Время не всегда меняется, – улыбнулся Белый, задержавшись на мгновение. – Ведь когда мы с тобой говорили по телефону, время не изменилось. Надеюсь, обратил внимание? Так будет и сейчас. Одно дело, когда ты приходишь в Шамбалу, так сказать, своими собственными силами, как в прошлый раз в тибетской пещере, или еще раньше – в детстве, и совсем другое – когда Шамбала призывает тебя. Время меняется, только если ты сам пытаешься повлиять на будущее. И ты влияешь на него, только не знаешь как и не понимаешь, что в этот момент происходит и к чему приводит, ибо мировые законы и вселенская мудрость тебе не ведомы. А это опасно. Очень опасно! Поэтому в большинстве своем люди лишены возможности открыто видеть и посещать обитатели нашего братства. И так будет до тех пор, пока они не научатся правильно относиться к жизни. Представляешь, в какую кашу превратится мир, если каждый, кому не лень, начнет вмешиваться в высшие сферы со своими примитивными желаниями, себялюбивыми прихотями и инстинктами. Учись и тренируйся, и тогда ты сможешь встречаться с нами без пагубных последствий.

– Я не буду вмешиваться, – пообещал я. – Буду учиться.

– Вот и славно, – ласково проговорил Белый. – А сейчас ты очнешься. О большой голове не думай, все будет хорошо. И найди Наташу. Она тебе понадобится.

* * *

Шаман открыл глаза. Голова все еще гудела, но он почувствовал, что боль постепенно уходит. Юноша увидел себя лежащим на полу в мрачной продолговатой комнатке с толстыми трубами. Рядом сидел Чиф, привалившись к одной из труб, и дремал. В углу возился какой-то грязный старик, шурша мятым полиэтиленовым пакетом.

«Где-то я его уже встречал», – подумал Шаман с удивлением.

В этот момент дядя Коля повернулся к нему лицом, достал из кармана скомканный рубль и немного потрепал его пальцами, пытаясь расправить.

– Ты мне помог, а теперь я помогу тебе, – беззвучно сказал он, загадочно улыбаясь, и Шаману в полумраке возвращающегося сознания вдруг почудилось, что это и был тот самый бомж, с которым судьба свела его в метро в день приезда в Москву.

Но нет, таких совпадений не бывает, раненый студент неловко махнул рукой, прогоняя прочь шальную мысль, искрой пронесшуюся в его голове. Бред какой-то.

Дима попытался тряхнуть головой, чтобы окончательно избавиться от наваждения, но тут же ощутил резкую боль в затылке и застонал. Бомж, который по-прежнему сидел в своем углу и как ни в чем не бывало шуршал пакетом, вдруг затих и прислушался. Затем он неторопливо встал и подошел к больному.

– Ну, ты как, парень? – старик бегло осмотрел очнувшегося студента.

– Все хорошо. Спасибо тебе, отец, – ответил Шаман слабым голосом, окончательно приходя в себя.

– Отдыхай, – сказал бомж. – Скоро проснется твой друг, будем думать, что делать дальше. А пока лежи и не двигайся.

– Что у меня с головой? – спросил Шаман, чувствуя, что ему трудно повернуться.

– Сильный ушиб, может быть даже сотрясение мозга. Рану твою я промыл и перевязал, так что заживет, а вот если сотрясение... Тут нужен покой и лечение, – ответил дядя Коля. – Тошноту ощущаешь?

– Нет, вроде, – ответил Шаман. – Двигаться тяжело, и башка трещит.

– Тогда лежи, и ни о чем не думай. Может и пронесет. Отдыхай и не двигайся, – продолжил бомж и весело сощурился, снова показав Диме свои лучики-морщинки. – И не надо ничего планировать. Все равно все пойдет по-другому. Потом поговорим.

– Откуда ты взялся? – поинтересовался Шаман. Он все-таки попытался приподняться на локте, преодолевая боль. – Ты что, следил за нами?

– Да нужны вы мне очень, – насупился старик, но на самом деле не обиделся, так что получилось довольно комично. – Между прочим, я здесь живу, а вот как вы сюда попали, молодые люди, – большой вопрос. Свалились тут, понимаешь, на мою голову. Ну, давай, хватит болтать. Береги силы.

Шаман посмотрел на пакет с едой, и дядя Коля понял, что парень проголодался, а значит пошел на поправку. Он достал батон хлеба и отломил большой кусок:

– На-ка, поешь.

Шаман в два счета проглотил почти половину батона и почувствовал себя намного лучше. Хотелось задать старику еще кучу вопросов, но помня о недавнем разговоре с Белым, он промолчал и постарался сконцентрироваться на ритме своего дыхания.

– Вот и молодец, – Дядя Коля уселся рядышком и стал внимательно изучать лицо Шамана. Он разглядывал его так, как, наверное, ученый рассматривает какую-нибудь диковинную зверушку, выловленную из глубин океана, бесстрастно и сосредоточенно, но с чувством затаенного восторга от соприкосновения с великой тайной природы. – Отдыхай, Шаман...

Старик бережно и заботливо положил руку на плечо студенту в точности так же, как это сделал недавно Белый, и от этого на душе стало тепло и радостно. Шаман провалился в укрепляющий сон без сновидений. Дядя Коля посидел еще немного у лежбища раненого, а потом осторожно убрал руку и усмехнулся.

Глава 13. Наташа

Когда Шаман снова очнулся, Чиф уже бодрствовал. Он сидел на ящике за импровизированным столом, сооруженным из другого ящика, и промасленным носовым платком чистил разобранный пистолет, конфискованный у милиционеров. Оружие было в хорошем состоянии. Оба магазина полные. Таким образом, арсенал Чифа составлял девятимиллиметровый ствол и 16 патронов, тупорылых и округлых, как маленькие маслята.

Старик тоже не дремал. Он устроился в своем спальном логове и листал замызганный журнал «Огонек», вероятно уже в сто пятьдесят первый раз.

– Который час? – слабым голосом поинтересовался Шаман, обнаружив, что его часы разбились и больше не тикают.

Увидев, что друг пришел в себя, Чиф тут же бросил свое занятие и подскочил к раненому.

– Шаманчик, ты как, родной? – спросил он с волнением.

– Жить буду, – уклончиво ответил Шаман, чтобы не концентрировать слишком много внимания на своей персоне. – Рассказывай, что произошло.

– Когда ты вырубился, я уж думал, придется драться с теми парнями, но тут появился дядя Коля и помог добраться сюда. Здесь безопасно. Думаю, они потеряли наш след, – ответил Чиф, радушно улыбаясь. – Мы сейчас под землей в каких-то катакомбах. Ты больше суток в ахтунге. Я уж думал тебе каюк. А ты смотри-ка, живучим оказался.

– Дядя Коля? – удивился Шаман, скосив взгляд в сторону бомжа.

– Ага, – кивнул Чиф, выставив вперед кулак с поднятым вверх большим пальцем. – Вот такой мужик!

– А кто в нас стрелял?

– Да хрен их разберет, – отмахнулся Чиф. – Бандиты какие-то.

– Почему в нас? – спросил Шаман недоверчиво и не очень громко, чтобы не привлекать внимания дяди Коли. – Зачем? Ты вообще часто видел, чтобы бандиты, вооруженные калашами, разъезжали на камазах по ночной Москве?

– Ну а кто тогда? – спросил Чиф с недоумением, тоже переходя на полусшепот.

– Может твои друзья гэбисты, – предположил товарищ, вспоминая, о чем ему рассказывал Белый во сне.

– А им-то зачем? – не поверил Чиф. – Они нас могли и так из ментовки вытащить.

– Ох, чуёт мое сердце, непросто здесь все, – вздохнул Шаман. – Старлей на допросе в отделении сказал мне, что ты дезертировал из армии, и парня того у гаражей насмерть завалил... А потом, эти молодцы нас отбили со стрельбой. Кто здесь разберется? Что там, кстати, с ментами, которые нас везли?

– Застрелили насмерть, – невесело ответил десантник.

– Твою-то мать... Да нас теперь по всему Союзу с собаками искать будут.

Шаман застонал и поморщился. Видимо в пылу разговора он неловко повернулся, и раненая голова тут же дала о себе знать. Дядя Коля продолжал читать свой журнал, хотя по коротким пронзительным взглядам, которые он изредка бросал в сторону друзей, было видно, что ему с каждой минутой становилось все любопытнее и любопытнее. Под маской его напусского безразличия явно чувствовался пристальный интерес к происходящему.

– Я дезертировал? – удивленно сказал Чиф. – Да ты чё... И чувака того кончил? Да быть не может. Я и ударил-то его легонечко. Блин. Короче, фигня какая-то, я совсем запутался.

– Я думаю, они нас специально подставили, – продолжил Шаман, стараясь не двигать головой. – В общем, у нас есть два варианта, как я понимаю.

Чиф приблизился вплотную к другу.

– Говори, – он перешел на шепот.

– Вот, слушай, – сказал Шаман приглушенным голосом заговорщика. – Вариант первый. Нас нарочно заманили в ловушку. Менты с ними заодно. А может это и не менты вовсе, а тоже гэбисты переодетые. Короче, нам сфабриковали мокрое дело, а потом дали уйти якобы по счастливой случайности, типа поделщики отбили из мягких лап правосудия. Кстати, я почти уверен, что история с трупами – чистой воды спектакль. Теперь нас, скорее всего, объявят в розыск, чтобы мы хорошенько понервничали, испугались и попытались уйти. А куда нам идти? Только на восток, за бугор. Тогда за нами будет организована слежка, и мы сами приведем их в Шамбалу. Логично?

– Логично, – согласился Чиф. – Только я не понял, зачем городить этот огород, если мы и так собирались показать им вход в Шамбалу. Поехали бы как белые люди в составе делегации с посещением музеев, достопримечательностями... Сидели бы себе в гостинице, а не в этом гадюшнике...

– Мы-то собирались, но, они ведь в этом не были уверены. Да и ответственность на них. А ну как их китайцы прищучат, тут и до международного скандала недалеко. А так – это целиком и полностью наша, мол, частная преступная инициатива. Пойми, с такими висяками, как у нас, нам в Союзе делать нечего. Все равно когда-нибудь изловят и привет. Бежать надо, иначе загребут и гудбай на Колыму по полной. Хорошая схема, и главное безотказная. Остается только вычислить и тихонечко следить за нами, поплеывая в потолок. Помяни мое слово, они еще и помогать нам будут, когда это потребуется. Как бы случайно, невзначай... Не ссы, брат, мы еще увидим твоего капитана Самохвалова во всей красе.

– А второй вариант? – спросил Чиф для полноты картины.

– Второй вариант вообще прост, как правда, – ответил Шаман, едва заметно скривившись в попытке подмигнуть. – Всё, что с нами случилось, на самом деле было чудовищной и непостижимой случайностью. То есть, Самохвалов просто не успел прийти на встречу, или задержался где-то, а в этот момент на нас действительно напали какие-то неизвестные отморозки, все менты были настоящие, а подложными обвинениями нас просто запугивали, хотя кто тебя знает, удар у тебя всегда был будь здоров, может ты и вправду прибил того парня...

– А кто же тогда у монастыря по ментам стрелял? – не понял иронии Чиф.

– Вот в этом-то и весь фокус. Фантасмагория, так сказать... Театр абсурда, – улыбнулся Шаман. – Это же были наши поделщики да сподвижники, на худой конец – просто случайные ночные прохожие...

– Не, ну серьезно.

– Хорошо, сочиняем дальше. Предположим, некие настоящие бандиты узнали, что менты задержали их товарищей и теперь собираются везти на Петровку, – продолжал фантазировать Шаман. – И вот, значит, бросились они их отбивать, но перепутали в темноте и вместо своих корешей по ошибке отбили нас. А мы тут раз, и неожиданно исчезли, и далее по тексту.

– Да уж... Ерунда какая-то выходит, – десантник почесал затылок.

– Точно. Свежо предание, да верится с трудом. Лажа все это. Вероятность такого сценария неумолимо стремится к нулю.

– Дело ясное, что дело темное. Короче, не стоит здесь засиживаться, ничего мы тут не высидим, – решительно заявил Чиф. – Надо идти на разведку.

– Правильно мыслишь, друг, – поддержал Шаман.

– Вылезу на поверхность да потихонечку узнаю, что там у ментов творится, и о чем люди говорят.

– Смотри не засветись.

– Будь спок. Не впервой.

– И еще... Если сможешь, разыщи Наташу, – сказал Шаман, руководствуясь последними напутствиями Белого. – Это девчонка одна знакомая с журфака. Мне очень надо с ней встретиться. Запомни телефон.

– Любовь... – задумчиво протянул Чиф.

– Дружба, – отозвался Шаман, сконфузившись и покраснев.

– Лан, пусть дружба, – понимающе улыбнулся Чиф.

– Будь осторожен, – Шаман сжал руку Чифа, переживая за товарища. – Да, и еще одно, самое главное. Перед тем, как спуститься обратно под землю, свяжись со своим Олегом. Знай, если он откликнется и придет на помощь, значит, сработал второй вариант, фантастический. А если нет – то первый. В общем, делайте ставки, господа! Да, и раздобудь, пожалуйста, одежду попримочнее, в таком виде тебе наверху появляться нельзя, канализацией за километр разит. Первый же попавшийся пионер сдаст тебя, как Павлик Морозов. Только на гоп-стоп не ходи, не хватало нам еще одной статьи...

– Может дядя Коля с прикидом поможет? – Чиф повернулся в сторону бомжа и позвал. – Дядь Коль! Что скажешь, найдутся здесь какие-нибудь нормальные штаны и свежая футболка?

– На танцы собрался? – пошутил старик, оторвавшись от «Огонька».

– Ага.

– Что-нибудь придумаем, – проворчал дядя Коля. – Тебе когда надо?

– Прямо сейчас, – ответил Чиф.

– Хорошо, – сказал бомж, поднимаясь на ноги, – Пойдем, потолкуем с людьми.

Дядя Коля с Чифом растворились в черном жерле дверного проема, а Шаман мысленно вернулся к недавней встрече с Белым. Зачем он заговорил про Наташу? Почему вспомнил о ней? Что бы это значило?

С Наташей Дима Кляйн познакомился на одной из студенческих пирушек по случаю успешной сдачи очередного зачета в декабре прошлого года. Она училась на другом факультете и никогда прежде не посещала их разнузданных вечеринок, и уж тем более, совсем не появлялась в общежитии филиала дома студента, сокращенно ФДС, где обитали ребята с периферии, поскольку была москвичкой и жила дома с родителями и старшим братом. И тут вдруг, словно бабочка на свет, она каким-то волшебным образом залетела на их веселую и безбашенную гулянку, и кто-то из друзей неожиданно подвел ее к Диме и представил нашему всеобщему любимцу и рубахе-парню.

Когда Дима увидел эту милую хрупкую девушку с огромными, как два бездонных неба, серо-голубыми глазами, он впервые в жизни почувствовал себя смущенным. Наш остряк и балагур вдруг начал мямлить какие-то глупости, с трудом подбирая слова для самого простого ни к чему не обязывающего разговора. – А всем было хорошо известно, что Дима не привык немотствовать, и потому друзья, догадавшись об истинной причине его замешательства, стали глумливо хихикать и даже слегка подтрунивать над ним. Забавно было наблюдать, как их потерявший дар речи приятель, тупо стоял, насупившись, и молчал, терпеливо снося издевки товарищей, и даже не думал отвечать на их подколки, что само по себе уже было свежо, ново и совершенно неожиданно.

Никогда раньше Дима не испытывал ничего подобного. И вот что удивительно, ему это состояние даже понравилось: сердце гулко забилося, участилось дыхание, приятное тепло распространилось по всему телу, и тут же вдруг прошиб пот – молодого человека бросало то в жар, то в холод, и тогда он понял, что стесняется и боится эту, в общем-то, доброжелательную и задорную девушку. Дима бросил на нее робкий взгляд, полный мольбы, Наташа же в ответ рассмеелась и убежала от неуклюжего студента потанцевать с другими ребятами. Зазвучала всеми любимая Санни – композиция группы Бонни М, – и друзья-однокурсники, окружив гостью плотным кольцом, стали ритмично прыгать и бесновато орать, а Шаман принялся смиренно наблюдать за грациозными движениями гибкого и хорошо сложенного Наташиного тела. В ее

пьянящем и возбуждающем танце было что-то змеиное и птичье одновременно, но ни грамма пошлости, а совсем даже наоборот тонкий романтический ум и поэтичность. Он и не знал, что среди женщин встречаются индивидуумы с таким редкостным сочетанием неземной красоты и интеллектуальной выразительности.

Девушка была одета в облегающие синие джинсы из тонкого вельвета, шерстяную водолазку цвета индиго, а в ушах у нее искрились миленькие сережки с мельхиоровыми висюльками и белой эмалью, расписанной синими же красками под гжель. «Синяя смерть», – подумал влюбленный Шаман и почувствовал, что готов идти за этим удивительным существом хоть на край света.

Музыка кончилась, и Наташа, снова встретившись взглядом с Димой, одиноко стоявшим в сторонке, подошла к нему.

– Все, мясо! Хватит дрыгать ногами! – вскричал вдруг подвыпивший Костик, долговязый интеллектual из-под Новосибирска, выдающийся лыжник и великий сноб, и неуверенным шагом стал продвигаться к музыкальному центру, держа недопитую бутылку венгерского вермута в руке. Он проживал с Димой в одной комнате, вместе с еще двумя мальчиками – Борей, покладистым и открытым парнем откуда-то из Подмоскoвья, и самым настоящим иностранцем Карлосом, молодым коммунистом из Португалии – и уже успел достать ребят своим чванливым высокомерием и спесью, которую даже Шаману с трудом удавалось перешибить.

Поколдовав у магнитофона, зазнайка из медвежьего угла зарядил бобину с битлами.

– Теперь классика! – напыщенно и нетрезво заявил Костик, гордо сверкнув очами, и густой спертый воздух комнаты, в которую набилось, наверное, человек двадцать, прорезал пронзительный гитарный аккорд, а за ним приятное многоголосое вступление ливерпульской четверки: «Э тейст ов хани...»

– Потанцуем? – звонким голосом спросила Наташа.

«Тэйстин мач свитер зэн вайн...» – лилось из динамиков. Дима, неуверенно пожав плечами, промолчал.

– Или ты предпочитаешь идти за мной на край света? – девушка неожиданно повторила последнюю мысль сконфузившегося молодого человека, словно прочитала ее, и тут же заразительно рассмеялась.

Дима рассмеялся в ответ, и душа его раскрылась. Так они и стояли, глупо смеясь, ровно минуту и пятьдесят восемь секунд под чудесные звуки знаменитого английского хита, и чувствовали, как в это же самое время рождается тонкая едва уловимая связь, какая только может быть между мужчиной и женщиной.

– Пойдем отсюда, – предложил вдруг Дима.

– Пойдем, – ответила Наташа.

И они снова рассмеялись. Диме стало ясно, что бывают в жизни моменты, когда слова просто не нужны, и это открытие очень удивило его. Молодые люди взялись за руки и, радостно хохоча, выбежали из комнаты, где неистовствовали шумные посиделки, в темный и пустой холл общаги, обставленный громоздкими, но вполне уютными допотопными диванами. Они просидели там всю ночь и не могли насмотреться друг на друга. Димины прежняя стеснительность куда-то улетучилась. Он почувствовал, что у него вырастают крылья. Юноше хотелось бесконечно говорить с этой удивительной и нежной девушкой о самом-самом сокровенном.

Наташа, как потом выяснилось, была студенткой престижного факультета журналистики, а ее папа работал каким-то большим начальником в редакции газеты «Известия». Квартира ее родителей – пятикомнатная с уходящими под облака сталинскими потолками – располагалась в солидном элитном доме на улице Чкалова, неподалеку от Курского вокзала. В общем, девушка эта оказалась птицей высокого полета, и Дима – скромный парнишка из провинции – был ей совсем не чета. Но настоящая любовь, как говорится, не знает социальных границ. Молодые люди не собирались обращать внимания на все эти мешанские условности.

После зимних каникул, которые Дима Кляйн провел дома у родителей, и все никак не мог дожидаться, когда же они, наконец, закончатся, он начал встречаться с Наташей едва ли не каждый день. Так прошел февраль, весь март и половина апреля. О счастливейшее время!

Но в один не очень прекрасный момент Дима вдруг почувствовал, что Наташа стала как-то отстраняться от него, а потом и вовсе начала избегать. И вот однажды они поссорились. Неожиданно для юноши Наташа в резкой форме решила прекратить их отношения.

Молодой человек не понимал, что происходит, и в чем причина такого демарша со стороны его возлюбленной. Ему искренне казалось, что их отношения развиваются превосходно, но девушке, судя по всему, хотелось чего-то более серьезного. Дурашливые ребячества ее парня, которые поначалу забавляли и смешили ее, стали откровенно доставать, равно как и мучительно долгие прогулки с пустым трепом и бесконечным словоблудием. К тому же, в бытовых вопросах Дима был удивительно инфантилен и этим, честно говоря, мог бы взбесить даже ангела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.